

АЛЛА ЛЭНД

ДЕНЬ НА ПЕРЕСАДКЕ

The image features a woman's profile on the right side, looking upwards. Her hair is styled in a way that it contains a detailed scene of a woman walking away on a dirt path through a forest. The woman on the path is wearing a dark dress and carrying a black suitcase. The forest is lush with green trees and ferns. The overall background is a warm, golden-brown color.

купи книгу
посади
дерево

Реальная история
любви и трансформации
одной русской девушки
через эмиграцию в Канаду

Алла Лэнд

День на Пересадке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68926185

SelfPub; 2023

Аннотация

Это история эмиграции и кругосветного путешествия обычной девушки, основанная на реальных событиях. Потеряв возможность быть с сыном и любимым человеком, а также все имущество, испытывая бессилие хоть как-то изменить жизнь, она вышла однажды из дома толком без денег и плана, просто следуя своему сердцу, купив билет на самолет в один конец. Путешествие по планете получилось необычным: каждая страна стала словно инициацией: Гавайи учили любви, Мексика свободе, а Азорские Острова – женственности. Майями, где автор случайно встретилась с Тони Робинсом, преподавал урок успеха и лидерства, а Пуэрто-Рико рассказал о том, что счастье – это выбор, а Сибирь и встреча с шаманом помогла коснуться ценности своих корней и семьи. Город Ухань, во время путешествия по Китаю, изменил жизнь не только Аллы, но и всей планеты. Эта книга о том, что даже один по-настоящему живой человек, не предавший свои детские мечты может изменить ход истории. Пусть для начала лишь своей. Каждая книга посадит дерево!

Содержание

Предисловие	5
Вечер перед пересадкой	10
Глава 1. Москва – Нью-Йорк	14
Глава 2. Ванкувер. Первые дни эмиграции	21
Глава 3. Переезд в Кутней. Знакомство с духоборами	34
Встреча с оленем	67
Глава 4. Гавайи, или Неожиданная инициация	73
Мауи	85
Большой остров	101
Каилуа-Кона	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Алла Лэнд

День на Пересадке

Наиболее важный вопрос для человечества – дружественная ли среда наша Вселенная? От ответа на этот вопрос зависит, проведем ли мы свою жизнь строя мосты или стены.

Альберт Эйнштейн

Предисловие

Здравствуй, дорогой читатель!

На всякий случай хочу извиниться, что обращаюсь на «ты». В этом нет для меня панибратства, скорее дружеское тепло, ведь я знаю точно: в случайные руки эта книга не попадет!

Ты держишь в руках книгу о необычной кругосветке, которая началась осенью 2013 года, когда я вышла из дома с одним чемоданом да парой тысяч долларов, зашитых в кармашек на трусах. До сих пор помню, как давила мне молния от этого кармашка в самолете, летящем по направлению «Москва – Нью-Йорк» в один конец. Закончилось мое путешествие зимой в 2019 году в Ухане, Китай. Именно там я получила ответы на вопросы: как и зачем жить дальше? Публикация этой книги, которая посадит дерево, часть плана, пришедшего ко мне после путешествия.

Ах, забыла представиться: меня зовут Алла. Мама меня назвала в честь советской певицы, что мне очень не нравилось. Но однажды я узнала, что Алла по-индонезийски означает «Лес». Таким образом, мое имя Алла Лэнд означает «Страна Лесов». Забавно, что мама, совершенно не зная моего будущего, дала мне самое правильное имя, ведь каждая книга сажает дерево. Поэтому мне очень хочется, чтобы она вам понравилась и мы вместе создали эту страну. Страну Лесов.

Мне кажется, что в мире слишком много срубленных об-

стоятельствами людей с потухшими глазами, как и срубленных деревьев. Вот это я и мечтаю немного изменить и верю, что один человек может повлиять на мир. Пусть для начала всего лишь на свой.

Покинула я дом скорее от отчаяния, чем от жажды приключений. Да и дома-то на самом деле не было: ипотечную квартиру, где я жила с сыном, мне пришлось продать. На нашу семью налетел ураган неожиданных тяжелых событий и буквально вырвал с корнями всю мою жизнь до. И мне не осталось ничего, как отправиться по дороге из желтого кирпича на поиск дома, не имея понятия, куда его унес ураган. Как в той сказке про волшебника из страны Оз и Дороти.

«Расскажи лучше, как так можно решиться выйти из дома с одним чемоданом? А главное зачем?» – можешь спросить ты.

«Люди решаются на многое, лишь бы не выйти в окно», – отвечу я.

Моя книга – попытка описать тот удивительный диалог с миром, который случился однажды, когда я потеряла все: возможность видеться с сыном, любимого человека, все финансовые сбережения и здоровье родных людей.

Эта книга о моем поиске чуда и живой воды.

Эта книга – мой способ сказать спасибо доброте людей по всей планете. Именно незнакомцы часто были теми ангелами-хранителями, помогавшими проживать каждый новый день и не сдаваться.

Эта книга об опыте одиночной эмиграции русской девушки из России в Канаду, о том, как я училась склеивать разбитое сердце, о детской мечте и путешествиях.

Эта книга о материнской любви, которую мне пришлось учиться проявлять в разлуке с ребенком.

Эта книга о бессилии обычного человека перед государственной машиной, когда ты не можешь быть рядом с тем, кого любишь, из-за отсутствия виз, а ребенка у матери можно просто отобрать, если есть деньги и связи.

Эта книга о любви. О моей первой школьной любви и ее неожиданном продолжении, которое произошло благодаря случайной встрече в самолете спустя десять лет после расставания.

Когда я потеряла практически все, произошла моя пересадка – моя личная трансформация.

Я вышла однажды из дома и улетела к океану с билетом в один конец. Без плана, без знания языка, людей на новом континенте и без денег.

Я не ожидала, что буду жить среди духоборов, которых привез Лев Толстой в Канаду. Не ожидала, что стану путешествовать на яхте по океану у берегов Мексики, встречу день рождения в Бразилии, попаду в шторм в Исландии и на церемонию к шаману в Сибирь. Не ожидала, что окажусь в Ухане. Именно там я поняла, что впереди нас ждут очень сложные времена, наблюдая за горами пластикового мусора и смогом, из-за которого люди ходили в масках. Единствен-

ным сувениром, привезенным из Уханя, была маска – как напоминание о том, что мне повезло жить без нее. Конечно, я тогда не знала, что спустя год маски наденет весь мир.

День на пересадке случился у всей планеты, новая реальность поставила новые вопросы. А моя книга – ответ, который получила на свои вопросы я.

Эта книга посадит твое дерево на планете Земля. Твое дерево ей очень нужно!

Поэтому, если ты вдруг прочитал книгу, не покупая ее, но хочешь, чтобы твое дерево тоже было посажено, я буду рада сделать это тут: www.alla.land

Это живая книга, и я верю, что мы встретились не случайно.

Never stop treeming!

Алла Лэнд

Вечер перед пересадкой

«Ну все, я поехала! Люблю тебя, солныш!» – буднично и нежно позвонила мне Анна перед трансплантацией. И вышла из сети.

Как я описала бы сестру, если бы меня попросили?

Однажды мои мама и папа родили девочку. Кудрявую и упрямую фантазерку. Посмотрели они на нее и решили родить еще одну, даже лучше: так появилась моя красавица-сестра. Высокая, стройная, невероятно нежная. И такая

храбрая.

В двадцать пять лет Анне потребовалась серьезная операция, и вот наконец, спустя несколько лет подготовки к операции, врачи разрешили ей сделать трансплантацию.

Ту ночь на ее пересадке помню как сейчас.

Маленькая съемная комнатка-келья, затерянная в горах Британской Колумбии. Лампа на стареньком деревянном столике. Учебники. Сложенные свитера и джинсы. Вот и вся моя собственность в 30 лет. Все, что поместилось в чемодан на рейс Москва – Нью-Йорк. Двадцать три килограмма багажа официально значилось в билете на самолет по маршруту в новую реальность.

Что бы ты взяла с собой? Из жизни, где было все: семья, любовь, сын, дом и тридцать лет за плечами? И вдруг за тобой пришли. Да, именно пришли: я слабо верю, что пережить то, что довелось нашей семье, возможно по доброй воле.

Так вот, за тобой пришли и говорят: твоя миссия тут закончена. Собирай двадцать три килограмма скарба и давай. На пересадку.

Может, я фантазерка, а может, мне проще объяснить свое желание поделиться собственной историей, выдумав ее полезность для читателя; но мне чужется, что на этапе пересадки мы оказались всей планетой.

Нашей цивилизации предстоит как будто оторваться от тектонической плиты привычной жизни общества потребле-

ния и, может быть, однажды приземлиться на новой Земле. Но назад пути нет. Впереди новое время.

Однажды в Майами, в ботаническом саду, я прочла цитату Тома Хидлстона: «У человека две жизни, и вторая начинается, когда мы понимаем, что жизнь всего одна». Эта фраза меня очень взволновала.

Позволю себе наглость переиначить ее: «У человека есть возможность родиться дважды. Первый раз, когда ему дают жизнь родители, а на воспитание влияет общество. А второй раз, когда он может родиться сам с поддержкой акушерки Жизни. А это значит, вытуживать каждый свой вздох самостоятельно и не терять сознания от дикой боли родовых схваток, даже если иногда каждый твой выдох проносится воем по полям». Ведь многие люди только делают вид, что живут. По-настоящему рожденных на Земле все еще очень мало. Это путь, на который ступают не все, он довольно одинокий, на нем нет гарантий. Но хоть раз пожив той самой жизнью, любую другую будешь ощущать как пластиковую подделку.

Это история о моем личном дне на пересадке, продлившемся семь лет.

Историю я напишу словами, а мечту заложу между строк. В таких книгах все главное всегда между строк. В том, что будет приходить к тебе в те часы, когда ты не станешь ее читать.

В эту комнату, в ночь, когда Анне делали пересадку поч-

ки, мы однажды еще вернемся. Но скажу сразу: пересадка прошла успешно, потому что там был главный компонент любой пересадки из старого в новое – любовь.

Глава 1. Москва – Нью-Йорк

Цена за возможность наблюдать свое новое рождение обычно очень высока.

Я сидела в самолете, постоянно ощущая на животе молнию от кармашка на трусах, который мама пришила, чтобы положить туда все мои сбережения – несколько тысяч долларов, оставшихся от продажи квартиры. Их мне хватило бы на обучение языку в Канаде, аренду комнаты и еду на несколько месяцев. Дальше планов не было. Как и денег на обратный билет.

Но боль внутри и чувство незащитности жгли меня изнутри, как раскаленное масло. Мне хотелось выплюнуть его, выдохнуть, сделать с ним хоть что-то. И единственным местом, где, мне казалось, я смогу это сделать, были вековые леса Британской Колумбии и Тихий океан. Там меня никто не знал и никто не говорил на моем языке.

Меня не пугало будущее и трудности, связанные с жизнью в чужой стране без языка и денег. Скорее я искала их, надеясь, что боль о том, что изменить не могу, будет жечь чуть меньше.

Я не знаю, что испытывает космонавт, когда за ним закрывается люк корабля перед полетом в неизвестность; но, когда захлопнулась дверь моего самолета, у меня закружилась голова, перехватило дыхание и затошнило одновременно. Не успела я прийти в себя, как уже оказалась среди облаков, вцепившись в подлокотники кресла, ни разу не встав в туалет, не съев ни кусочка еды. Меня просто парализовало от всего происходящего. Очнулась я уже на таможне в Аме-

рике, когда пышногрудая афроамериканка позвала меня последовать за ней.

– Ma'am? What do you have in your underpants?¹ – спросила она, показывая на мою промежность.

У меня сжалось все внутри еще больше: неужели отберут и эти деньги?

– Ma'am, please show me what you have in your underpants! – строго сказала она еще раз, и я поняла, что шутки плохи: надо достать все деньги. Я расстегнула молнию на трусиках и вытащила доллары из кармана, протянув их ей.

Она пересчитала их и спросила:

– Under 10 000 US?²

Я кивнула, не очень понимая, что происходит. А таможенница, убедившись, что закон я не нарушила, протянула деньги обратно и поставила мне первый штамп в паспорт.

– Welcome to USA, ma'am!

И вот я в Нью-Йорке.

Со странным ощущением бесконечного дня, которое бывает в межконтинентальных перелетах, когда твой день или твоя ночь вдруг делятся целые сутки.

Я сняла комнату в доме где-то в Бруклине, недалеко от метро. Хозяйкой оказалась добродушная афроамериканка, которая тепло приветствовала меня, одновременно крича что-то своему сыну-подростку, играющему в компьютерную

¹ Мэм, что у вас в нижнем белье?

² До 10 000 долларов?

игру, сгоняя кошку со стола и разговаривая по телефону. Мне вручили ключ от простой комнатки в подвале с лампочкой-вентилятором. Закрыв дверь, я легла на кровать и, помню, долго рассматривала крутящийся вентилятор.

Неужели я действительно сделала это? Прилетела на другой конец планеты одна, без билета обратно? Совершенно новое ощущение, что ты и не знала человека, в теле которого прожила столько лет, бродило во мне, пока я не провалилась, наконец, в долгий сон. Проснулась я только на следующий день. Перед полетом в Канаду у меня было несколько дней, которые я провела на своей первой долгой пересадке, знакомясь с Нью-Йорком.

Наверное, от того, что я не была ни путешественницей, ни журналисткой, а просто искренне пыталась пережить и понять происходящее в жизни, мои отношения с городами и странами сложились удивительным образом: я будто узнавала их не по туристическим маршрутам и достопримечательностям, а так, как они сами хотели быть увиденными. А может, оттого, что мне просто было одиноко, я начала невольно оживлять то, что видела? Города и страны сделались для меня такими же живыми существами, как и их жители. Нью-Йорк, который стал одним из самых частых городов на пересадке, такой разный при каждой встрече. Нью-Йорк однозначно один из самых харизматичных городов, которые я увидела.

Надо сказать, все мои познания об Америке сводились

лишь к обрывкам информации из новостей, мечтательному придыханию некоторых знакомых, мечтавших туда уехать, да любимым фильмам и книгам. Мужчины в Америке мне представлялись улыбочивыми счастливчиками с белыми зубами из кино, а женщины – дерзкими красотками, ищущими любовь. Зная свой страх полетов, я даже и не мечтала об Америке. Попав в Нью-Йорк, испытала удивление от всего: от огромных упаковок еды в магазинах до желтых такси и вывесок метро. Куда же пойти в Нью-Йорке в первый день? Конечно, в Центральный парк!

Разобравшись со схемой подземки, я выходила по утрам из своей комнаты в кирпичном таунхаусе в Бруклине, разглядывая по дороге просыпающихся американцев, развозящих детей по школам, выгуливающих собак, а также очереди в кофейне. Бегуны в парке, мамы с колясками, школьники с рюкзаками, сигналы автомобилей, спешащие люди, витрины известных магазинов, знакомые деревья и даже утки, похожие на уток в России.

Моим самым большим удивлением от Америки было то, что на самом деле тут была такая же обычная жизнь, как и дома. А люди были такими же людьми, с эмоциями, делами и трудностями, просто говорящими на другом языке. Я неловко изъяснялась на английском, просто показывая руками на предметы и произнося одно слово или просьбу, и меня понимали. Это, наверное, странные радости, но, представив себя на минуту на другой планете, среди инопланетян, какими

мне казались далекие американцы, я вдруг поняла, что нет – это все же планета людей. Так примерно я ощущала себя в те дни.

Впервые за свою жизнь я неожиданно оказалась свободна: меня никто нигде не ждал, только обучение английскому языку в Канаде через неделю. Я удивленно поняла, что никогда не сидела на лавочке и не наблюдала за утками, вечно куда-то спешила. В общем, первые дни в Нью-Йорке были днями сплошных прогулок по улицам и наблюдений за людьми. Почти каждая улица и каждый район были мне знакомы из книг и фильмов. «Ах, вот ты какой, Манхэттен! О, Бруклинский мост! Таймс-сквер!»

Я пила кофе по утрам, как американцы, говорила всем thank you, sorry, you are welcome и улыбалась. То ли теплые солнечные деньки сентября подействовали, то ли растущая в себе уверенность, что раз я справилась на пересадке в Нью-Йорке, то и в Канаде разберусь.

Моим пунктом назначения был Ванкувер, где я вышла из самолета более спокойной и уверенной, понимая, что я все так же на планете людей, а значит, как-то смогу решать и дальше. Выйдя за пределы своей привычной реальности, я словно познакомилась с новой собой. Более смелой собой. И более живой.

К чему я привыкнуть не могла, так это желать спокойной ночи любимым людям по утрам.

Глава 2. Ванкувер. Первые дни эмиграции

Из двух дорог выбирай ту, которую не сможешь повторить.

Из аэропорта я отправилась в съемную комнатку, которую

предоставила мне школа английского языка. Комната оказалась в большом старинном доме со скрипучими половицами, забором, поросшим мхом от влажности, и огромной елью, накрывающей ветвями весь дом. По ночам к нам приходил енот исследовать мусорные баки для еды. Соседние комнаты снимали веселые испанцы Рикардо и Серхио, которые, как и я, приехали в Канаду учить английский язык. Они постоянно затевали шумные вечеринки, по-родственному подъедали мои продукты, занимали ванную по вечерам и громко хохотали. У меня не было студенческой молодости: всю юность я растила сына, поэтому новым для меня стал не только английский язык, но и студенческая жизнь.

Сейчас мне кажется, что именно шумные соседи, енот, будивший весь дом по ночам, необходимость ездить каждый день по часу в одну сторону на занятия в языковую школу, выполнять домашние задания, возможность после занятий сидеть у океана – всё это и стало тем самым ангелом-хранителем, который уберег меня от первых, самых страшных месяцев одиночества.

Одиночество бывает очень разных вкусов. Есть одиночество среди людей; одиночество расставания с самыми близкими; есть одиночество, когда ты расстался с прошлой жизнью и дороги обратно нет; есть особый, самый тяжелый вид одиночества, когда вы оказались с дорогим человеком по разные берега океана, жизни и смерти, любви и разлуки. Так получилось, что в сентябре 2013 года мне пришлось испы-

тать одновременно все эти виды одиночества. Но Канада подарила еще и новые оттенки одиночества: когда не можешь использовать язык, на котором привыкла изъясняться, и не имеешь возможности работать.

Туалет, смывающийся совсем иначе, чем дома, огромные упаковки еды, новые способы покупки билетов на автобус, новые ароматы воздуха по утрам и абсолютная неизвестность. В эти дни в сентябре я оказалась в самом центре удивительного опыта: я одновременно умирала вместе с моей прошлой жизнью, забывая свой дом, куда больше никогда не попаду, забывая, как это кричать сыну из кухни: «Завтрак готов!» – и обнимать его, сонного, по утрам, забывая, как это – любоваться пальцами любимого, скользящими по струнам гитары, забывая себя. Я никогда не думала, что я – это всего лишь запахи, дела, мечты и планы, окружающие меня каждый день. Я – это люди рядом. А что такое «я» вне всего привычного с рождения, я и не знала.

Эти дни в сентябре поместили меня в центр удивительного опыта: мне резко пришлось родиться в совершенно новой жизни, в новом часовом поясе, в новом языке и новых правилах жизни. Именно интенсивность этого нового рождения и стала моим спасением. Мне кажется, что новый язык и роль эмигрантки дались мне так легко как раз потому, что не осталось места, куда я могу вернуться.

Утро было моим самым любимым временем дня: хрустящий свежий воздух Ванкувера, горячий кофе в железной

кружке с собой (я быстро обучилась у местных жителей привычке носить с собой бутылку для воды и многоразовую кофейную кружку), учебники в рюкзаке, кеды, джинсы – и мы вылетаем с испанцами на автобус.

Я рассматриваю людей в общественном транспорте и удивляюсь многонациональности Канады. Азиатские пенсионеры, студенты из Индии, аккуратно причесанные клерки в вычищенных ботинках, спортивные девушки, спешащие на практику с ковриками для йоги за спиной, школьники, инвалиды, для которых автобус специально «присаживался», чтобы коляска могла въехать по пандусу. И все это среди английской речи, которая звучала для меня, как шум пчел.

Мы вбегали в школу на занятия почти в восемь утра, и я окуналась в предлоги, времена и искусство артиклей, училась вести презентацию и писать эссе на английском. Стать снова студенткой в тридцать лет было наилучшим решением: блуждание в лабиринтах английской грамматики и произношения было чудесным способом забыть о заботах взрослой жизни. Примерно к двум часам дня заканчивались наши занятия, как и заканчивались мои силы на изучение нового языка. Так как все вокруг было на английском, мозг, вначале воспринимавший это все как большое приключение, спустя месяц стал очень уставать, и мне было необходимо буквально сбегать от людей, чтобы не слышать больше чужой речи. Моя дорога к океану лежала через самый центр города, чистый, будто с картинки, где стеклянные небоскребы

отражают небо, и ты будто не идешь по улицам, а плывешь сквозь облака. Но спустя несколько месяцев жизни в Ванкувере понимаю, что это город контрастов. С одной стороны, роскошный, вылизанный ежедневными стараниями уборщиков, с виднеющимися буквально с каждой улицы заснеженными горами и океаном в центре города. Город из леса небоскребов, парков и ресторанов выглядит как город небожителей. Сколько же нужно зарабатывать, чтобы жить в этом красивейшем городе свободно, не печалась о будущем? Кто эти люди, живущие в этих квартирах с видом на океан по цене авиалайнера?

А на соседней улице, куда забредаю случайно, вдруг оказываешься в царстве бездомных людей, человеческих тел, спящих на улице, и пустых стеклянных глаз тех, кто уже давно сидит на наркотиках.

Страшный фасад одного из самых желанных для жизни городов мира, как и цены на жилье в этом городе грез, не соответствующие заработной плате, лишили меня всех иллюзий об эмиграции. Больше жить просто и безопасно в этом мире уже не будет нигде.

Просто было мне только у океана. Туда я уходила каждый день, подальше от людей.

Возле океана и в дождь, и в ясную погоду я проводила все свои послеобеденные часы. Я не могла думать ни о прошлом, ни о будущем, не могла никому позвонить, так как все, кого знала, спали на другом конце Земли. Чтобы не бояться и

не горевать, я нюхала водоросли, кидала камни в воду, часами наблюдала за облаками и кораблями на горизонте, а если везло, то и за невероятными закатами.

Идти в душ, прыгать с разбегу в реку с головой, сидеть у морского берега часами было всегда моим спасением. Когда я впервые увидела океан, внутри будто отворили клетку, в которой я жила все эти долгие годы. Я и не знала, что мои легкие умеют вдыхать гораздо больше воздуха, чем я привыкла, я и не знала, что этот запах водорослей, соленого воздуха и бесконечность горизонта, будто старинный друг, всегда готовы к встрече.

Ритмичный шум океана успокаивал сердце и уставшую голову, часто убаюкивая меня прямо там, в городском парке. Эти послеобеденные часы, когда я была ракушкой у берега океана, стали моими самыми любимыми.

Отдохнув, я спешила на вечерний автобус к своей привычной рутине: ужин, занятия до поздней ночи, звонок домой и долгая попытка уснуть под возню енота в мусорном баке у дверей.

О моей прошлой жизни напоминал лишь телефон. Который молчал. Свой телефон я проверяла каждый вечер в надежде, что моя прошлая жизнь позвонит и я увижу желанный номер на экране, в надежде, что сын ответит однажды на мои звонки, которые, как гудок корабля, таяли где-то в безбрежном океане сотовой связи без ответа.

Когда наступил период дождей, который смыл мое первое

очарование Ванкувером и сделал невозможными мои много- часовые океанские передышки, я стала испытывать приливы тоски и ужаса, которые накрывали меня. Иногда приступы тошноты то в автобусе, среди незнакомцев, то на кассе у магазина, когда я видела, как быстро тают деньги, хотя старалась жить очень экономно. В такие дни я искала билеты домой. И, возможно, улетела бы. Если бы не бразильцы.

Когда я встретила Дженнифер на одном из занятий английским и мы разговорились, я почувствовала, что встретила родного человека. Хоть наши разговоры были просты, потому что английский язык мы обе только учили, но и без слов было ясно: нам хорошо вместе. До встречи с Дженнифер иностранцы мне казались инопланетянами, лишь внешне похожими на людей. Никакой связи с ними я не ощущала, просто с любопытством рассматривала, как они живут. Я думаю, с похожим любопытством я рассматривала бы и марсиан, попади на Марс. А с Дженнифер случилось чудо: мы коснулись самой сути друг друга, где язык не важен, нам просто было хорошо даже молчать вместе. Дженнифер была из Бразилии. Красивая, энергичная, похожая на итальянку, она меня закружила, словно в танце, впустила в свой мир, скрасив серые ноябрьские дни.

Жила Дженнифер в однокомнатных апартаментах одного из самых роскошных зданий даунтауна с пятью друзьями. Количество бразильцев на квадратный метр, а также смеха на маленькой кухне, гостей и матрасов для сна значитель-

но превышало нормы, разрешенные канадскими жилищными службами. Меня постоянно обнимали, приветствуя, расспрашивали о России и даже приглашали на свидания. Как младенец, сжатый стенками матки и находящийся в тесноте, но получающий все необходимое для жизни через пуповину заботливой плаценты, в те дождливые дни, в тесноте этой комнатки, но в бережном внимании бразильцев, я получала внимание и еду в виде риса, бобов и дешевого пива. Помогли мне бразильцы и с работой: держась все время вместе и сообщая друг другу о подработках, все они были постоянно чем-то заняты. Я же, не имея права работать официально, то помогала Дженнифер обслуживать приемы в индийских ресторанах, то убирать апартаменты, а она делилась со мной деньгами или оплачивала мои счета в супермаркете в благодарность. Я прекрасно понимала, что до получения официального разрешения на работу мне надо беречь каждый цент, поэтому предложила свои услуги по уборке сада и присмотру за ребенком хозяйке дома в обмен на бесплатное проживание. В общем, последние месяцы в Ванкувере перед окончанием курсов языка промелькнули как один суматошный дождливый день.

Но один момент мне запомнился особенно ярко. Момент, когда спустя три месяца учебы я вдруг начала понимать, о чем говорят люди в автобусе. Радостное удивление: как же я раньше не понимала английского? Это же так просто! Однажды поймать ощущение, что ты понимаешь новый язык,

вернуться в прошлое, где ты говоришь всего на одном языке, где у тебя всего одна родина, одна правда и одна история, уже невозможно. Более того, у меня возникло ощущение, что я знала английский всегда, просто мозг очень противился убрать барьеры внутри, чтобы разрешить себе его знать.

Возвращаясь с ночной работы официантки в ресторане и отмывая чужие туалеты вместе с Дженнифер, не брезгуя иногда даже взять еду для «бедных» в супермаркете из благотворительных корзин, я будто совсем забыла ту свою реальность, где ездила на высоких каблуках и с макияжем на машине, работала с руководителями компаний и жила в собственной квартире. Я будто вышла из какой-то гонки соответствия, из гонки, где я вечно не успевала то выйти замуж, то стать успешной, то вовремя сменить машину. Мне было постоянно стыдно. Стыдно, что я разведена. Стыдно, что живот не идеальный, вещи смялись, телефон не последней модели. Я и не заметила, как стыд стал моей тенью, которая следовала за мной, постоянно оценивая и сравнивая меня с другими.

Чувство стыда впервые пришло ко мне лет в девять, в детском лагере у моря. Жили мы бедно. А еще маму напугали, что в лагере воруют, поэтому она мне выдала самую старую одежду, которую не жалко, и не дала денег с собой.

В то время главной мечтой советского ребенка была жвачка Love is. Дети тратили все карманные деньги на эту ра-

дость. А я лишь с жадностью рассматривала витрины и вдыхала клубнично-банановый аромат изо ртов счастливыхчиков.

Но однажды удача заглянула и на мою улицу: я нашла чью-то пожеванную жвачку на асфальте и по запаху поняла: это ОНА. Отмыв ее в раковине, я наслаждалась заветным послевкусием. Ночью хранила ее на полочке у кровати.

Счастье было недолгим: утром меня разбудила группа детей. «Ты воровка! У меня пропала Love is, а твоя жвачка так пахнет. Мы знаем, что у тебя нет денег! Как ты могла?»... Моя правда сжигала меня. Признаться, что подняла жвачку с пола, было тяжело. Я молчала.

Мне был объявлен бойкот. Со мной не разговаривала ни одна живая душа. И находиться одной в лагере стало бы адом, если б не море.

Мама мне дала с собой лишь плавки, видимо, не заметив в суете дел, что я становлюсь девушкой и у меня появилась грудь. Ходить с острыми набухшими сосками было, конечно, невозможно стыдно. А майки надевать не разрешали.

Но купаться хотелось больше. Поэтому, когда дети дружно забегали в море, я ложилась на песок и делала вид, что играю, потихоньку ползком продвигаясь на животе к морю. Так я доползала до воды. И купалась.

Когда дети увидели меня, ползущей к морю, меня стали считать не только воровкой, но и сумасшедшей. Страшное, безвыходное одиночество испытывала я тем летом. Телефонов не было, как связаться с домом, я не знала.

В один из дней мне в еду налили компот, а на мои попытки возмущаться самый популярный мальчик в лагере начал насмехаться надо мной, изображая мое заикание. В детстве я сильно заикалась. Хохотала вся смена.

Жгучая обида и отчаяние! Вот все, что помню. А дальше совершенно неожиданно для себя я схватила стоявшее рядом железное ведро и начала избивать им обидчика. Молча. Яростно. Весь лагерь замолчал. Молчал и тот мальчик. Выше меня на голову и старше на несколько лет. Его будто парализовала моя ярость.

Потом я ушла под молчаливые взгляды толпы. На своей кровати в темноте одиночества мне стало ещё хуже. Я никогда не знала себя такой. Никогда не была обвинена в воровстве и никогда не испытывала такого унижения от того, что не могу исправить. Я неудачница!

Когда я проиграла все, когда я уже оказалась на самом дне, как поддержка пришло странное чувство. Признав свое поражение, я словно перестала зависеть от мнений и сплетен. Так я впервые познакомилась с ощущением свободы.

Именно в такие моменты чувство стыда и ошибок переходит в странное жгучее тепло. Это та точка, где начинается настоящая любовь к себе. Ведь точка стыда зачастую и есть та дверца, где можно наконец коснуться себя и познакомиться.

Я стала есть вдали от всех, без стыда ползала на животе к морю, а вечерами вместо лагерных развлечений читала.

Однажды вечером ко мне подошел тот самый мальчик, извинился и признался в любви. Я была настолько ошарашена его признанием, что долго еще сидела под звездным южным небом, пытаясь объять случившееся. Лишь потом поняла, что именно вот такой выбор себя в любых обстоятельствах и есть тот самый афродизиак, мимо которого не пройти.

Тогда в лагере был сделан главный жизненный выбор. Боясь насмешек, я могла бы остаться в тени, остаться на берегу и не купаться. Но тогда я выбрала себя. И если в индейском трайбе мне давали бы имя, я выбрала бы это: Девочка, которая ползет к морю. Наверное, поэтому прилететь в город у океана и стало моим спасением.

Как самолет в катастрофу, использующий топливо из запасных баков, я начала использовать силы, запрятанные в чувстве стыда, для выживания. Однажды поняла, что стыда во мне больше не осталось. Более того, я увидела, что представления об успехе и счастье, с которыми я выросла, на самом деле лишь инструменты контроля людей. Стыд и страх быть изгоем – этакий серый кардинал нашей цивилизации. Спустившись в самый низ общественной лестницы в новой стране, я получила главный подарок эмиграции: понимание, как часто дома, рассматривая зад стоящего повыше на лестнице успеха, я забывала смотреть по сторонам, любясь красотой каждого дня, который всегда щедр ко всем, независимо от того, где и с кем ты этот день встретил.

У меня не было никакого плана на эмиграцию, а тем более денег.

Но узнав, что канадский паспорт я смогу однажды дать сыну, а также зарабатывать в долларах и оформить медицинскую страховку семье, я решила, что в моей ситуации эмиграция будет разумным выходом. Надо же что-то делать со своим телом, когда жизнь потеряла всякий смысл?

А в моем случае единственным способом эмигрировать было через учебу.

Мне хватило всего пары месяцев, чтобы насладиться океаном, новыми запахами и удивлением от того, что подарил мне мой поступок.

Гораздо чаще я испытывала тошноту и отчаяние, приступы ужаса и ощущение падения в какую-то бесполезную воронку дней. Мой родной город и обстоятельства словно выдавили меня из себя без остатка, словно скряга зубную пасту из тюбика, не оставив в нем ни капельки, зацепившись за которую я могла бы вернуться. В каком-то смысле одиночество среди чужих людей на чужом языке было чуть легче, чем одиночество среди своих.

Из девочки, которая ползет к морю, я стала девушкой, которая однажды, собрав всю жизнь в один чемодан, долетела до океана.

Глава 3. Переезд в Кутней. Знакомство с духоборами

Плакать по-настоящему можно только дома.

Случай играет в судьбе разных людей разную роль, но чаще всего самые затейливые повороты в жизни случаются именно благодаря ему. До сих пор помню тот декабрь: прошло три месяца с момента моего приезда в Канаду, заканчивалось обучение в школе английского, а также виза и,

главное, деньги. Получить рабочую визу можно, лишь начав учиться. Да и учеба – это единственный легальный способ эмиграции, если твои профессиональные навыки стране не интересны.

Плана у меня по-прежнему не было, но из Канады уезжать не хотелось, а оставаться в Ванкувере было не по карману. Однажды на урок английского к нам зашла улыбчивая женщина, представитель колледжа, расположенного в самом сердце Британской Колумбии.

«О, ты русская! Тогда тебе точно надо в наш колледж: он построен на земле русских духоборов. А еще у нас самые невысокие цены по Канаде и прекрасная бизнес-программа!» – радостно улыбаясь, сообщила Элиза. Недорого и бизнес-программа – это единственное, что заинтересовало меня тогда, мое сердце совершенно не екнуло при упоминании духоборов. Но как потом оказалось, именно встреча с ними стала судьбоносной во всем моем канадском приключении.

Так я впервые и оказалась в канадской глубинке.

Была зима. Я сняла по объявлению комнатку в подвале, поступила в колледж и отправилась в десятичасовое путешествие на автобусе в полную неизвестность. В России я выросла на юге, в Ванкувере осень и зима тоже, как и дома, не снежные, поэтому, когда я въехала в заснеженное лесное царство вековых канадских лесов, мне казалось, что я попала в детскую сказку. И, как у всех героинь сказок, у меня даже не было ни теплых сапог, ни карты леса и никакого вол-

нующего предчувствия, что эта затерянная среди гор и лесов земля подарит мне однажды успокоение, профессию и даже сына.

Выйдя на заснеженный вокзал одна с чемоданом, я растерялась. Городок оказался безлюдной унылой деревенькой. Испугаться я не успела: нужны были силы тащить чемодан к новому дому по снегу, искрящемуся в свете уличных фонарей.

На следующий день я вышла в магазин за продуктами и услышала там сказочный старинный русский говор. «Доченька, да никак ты нашенская? – спросила меня продавщица в магазине на удивительном русском языке, который я слышала только в старинных сказках. – Борща хочешь? В холода-то в охотку он идет! Я ищо отвар тут сготовила и сносочки есть мои, домашние. А меня Катей величать. Туточки Келли зовут», – радушно представилась кудрявая круглая женщина, называя сносочками яйца.

Мне казалось, я сошла с ума. Сплю. Брежу. Я ожидала от чужой страны на другом континенте всего, но только не того, что меня перенесут в Россию времен Льва Толстого. До Канады я никогда не слышала об этих людях, которых лишили русского гражданства за то, что они отказались идти в армию и убивать. «Духоборы – люди третьего тысячелетия», как писал о них Лев Толстой. Именно они стали причиной того, что великий русский писатель стал вегетарианцем и впервые взял деньги за свою книгу, чтоб помочь духо-

борам переехать в Канаду. На деньги от книги Льва Толстого «Воскресение» духоборы смогли нанять корабль и уехали из России, сохранив глубокую любовь к родине, тоску по ней и по русскому языку. В Канаде, где их сначала приняли тепло, потом испугались их сплоченности и желанию обучать детей только в своих школах, поэтому силой стали забирать детей из семей. У духоборов отняли и родину, и детей, и надежду на простую жизнь в новой для них стране. Осталась только вера. Вера, что Бог внутри. Он всегда с тобой. А труд и мирная жизнь – это и есть главные радости жизни. Духоборы были вегетарианцами, миротворцами и трезвенниками с очень твердыми ценностями. Они все вместе отказались идти в армию в России, устроив костер из оружия, выданного им государем. Этот костер окружили все жители поселения, поставив в центр детей и женщин, а мужчины защищали их своими телами снаружи. Государственные служащие иссекали их плетями и забивали камнями, но отправить в армию так и не смогли. Поэтому издали приказ о лишении российского подданства и выдворили из страны. Так и оказались духоборы однажды в горах Британской Колумбии, назвав один из хуторов «Утешением». А спустя много десятков лет хутор Утешение и вся волшебная земля Кутни стали и моим новым домом.

Однажды я забрела на пустынный остров, на который меня привел подвесной мост, и обнаружила там покосившуюся деревянную церквушку. Присела на такую же покосившуюся

лавочку и впервые за полгода заплакала.

Я и не знала, какими сложными для меня были эти первые месяцы в Канаде.

Я и не знала, насколько сильно тосковала по сыну, по тебе, любимый, по родным.

Я и не знала, насколько это дорого – говорить на своем языке и быть понятым.

Я и не знала, как страшно быть одной на чужом континенте.

Я и не знала, насколько устала.

Слезы текли, будто весенний сок по стволу березы. С тех пор, как я потеряла ощущение дома, я ни разу не плакала. Ведь плакать по-настоящему можно только дома.

Мне никогда не было стыдно плакать, я вообще люблю все, что течет. Кровь по жилам, слезы по щекам, реки по долинам. Когда ты можешь плакать, утешение уже рядом. Гораздо страшнее, когда плакать не можешь.

Обменяв туфли на каблуках на теплые сапоги в секонд-хенде, чтобы ходить по заснеженной железной дороге на автобус в колледж, я начала учиться. В классе было много ребят из Индии, Японии, Китая, Европы и Канады. Вдруг из уставшей женщины со сложной судьбой я получила шанс стать просто студенткой. Моя маленькая келья, простая белая кухонька, купленный с рук за 60 долларов велосипед и прекрасная библиотека колледжа, лесные тропки и Радж, друг из Индии, с кем мы делали математику, та самая Катя

– любимая продавщица-духобор в магазине, с которой мы подружились в первый день, – все это стало моей маленькой семьей и домом в затерянном среди гор городке.

Если бы не телефонные звонки домой, если бы не тяжелые сны, если бы не странное ощущение, что тебе дали новую жизнь, но память о старой стереть забыли, то мой мир стал бы очень уютным. Бедность на грани с нищетой подарила еще один бесценный подарок – знакомство с собой и свободу, которая бывает, когда тебе нечего терять.

Однажды ко мне в подвал подселили такого же нищего, как и я, колумбийца Гильермо.

«Ты знаешь, я не выдержал напора мафии в Колумбии и сбежал в Канаду. На родине мое творчество под запретом, но я однажды напишу ее – такую книгу, которая расскажет о моей прекрасной Колумбии и Бооте так, как никто раньше не мог», – увлеченно рассказывал о себе мой новый сосед. Гильермо был мужчиной лет сорока пяти, с непослушным мальчишеским чубом, глазами фантазера и южноамериканской горячностью. Интересно, почему люди, которые продолжают мечтать, выглядят моложе?

Гильермо вложил последние деньги, как и я, в обучение. Он учился на шофера грузовика в зимних условиях, надеясь зарабатывать много денег водителем фуры.

Когда мы впервые поехали на его стареньком «форде» за продуктами, я подумала, вжавшись в кресло машины: «Хоть бы судьба была к нему благосклонна и он стал писателем,

как мечтал». Тормозить на льду этот горячий колумбийский мачо не умел, поэтому однажды на повороте нас закружило вокруг оси, и мы чудом избежали аварии, остановившись буквально в нескольких миллиметрах от столба.

В эмиграции я не раз видела, как причудливо складывались судьбы тех, кто на нее решился. До какого отчаяния должен был дойти человек, который ни разу не видел снега, чтобы учиться на водителя грузовика в снежном высокогорье?

Наша бедность, неуверенность в завтрашнем дне, любовь к книгам и общая кухня создали такой уникальный дружеский тандем, который помог и ему, и мне прожить эту зиму чуть веселее и вкуснее, чем в одиночестве.

Однажды субботним утром Гильермо постучался в мою комнату с предложением покараулить, пока он будет ловить рыбу на самодельную удочку, я восприняла эту затею скорее как приключение и, конечно, согласилась. Чтобы ловить рыбу в Канаде, нужна лицензия. На нее у нас денег не было, да и удочек не было, поэтому мы пошли по снегу в самую чащу леса, чтобы найти безлюдные берега.

Гильермо уходил к реке, бывало, на несколько часов, а я сидела в лесу, карауля спуск к воде, чтобы колумбийского рыбака никто не увидел.

Погружаясь в жизнь леса вокруг и забывая о себе, не раз наблюдала, как все вокруг начинает оживать. Там сойки ворчат, словно надоевшие друг другу супруги. А вот белка, пе-

рестав бояться, деловито грызет шишку прямо у твоих ног. Новые и новые слои реальности открываются перед тобой, будто слой за слоем снимая пелену с глаз.

Как же ты не замечала раньше этих следов оленей на снегу? Как же ты не замечала раньше, как красива эта малышка – красная ягодка во мху?

А потом вдруг исчезает и это «я». И ты просто становишься потоком жизни и радости. Ты жива, и лучше этого нет ничего! Как и лес, где каждый живущий играет свою партию в оркестре жизни, так и ты погружаешься в свой природный ритм. А клетки нашего тела настолько мудры, что начинают восстанавливаться и исцелять себя сами, как только ты начинаешь жить в своем уникальном ритме. Мы живем обычно на таких скоростях, что тело не только не успевает исцелять себя, оно даже высыпаться толком не успевает. Об этом я узнала позже, обучаясь на лесотерапевта. А тогда мои первые сессии настоящей лесотерапии случились спонтанно, когда я сидела на пеньке среди дикого леса и поджидала своего товарища по маленькой авантюре.

Поймал Гильермо рыбу или нет, знала всегда по звукам шагов: ох уж эта мужская зависимость от результата! Гильермо или легко, как олень, взлетал по снегу, если шел с рыбой, или тяжело ступал, если без нее. Чаще он ступал тяжело.

Но если нам везло и у нас была рыба – поверьте, вкуснее рыбы не пробовала!

Пировали мы и ухой в лесу, и запекали рыбу в духовке,

отсылая щедрые благодарности духам леса и реки. А потом Гильермо играл колумбийские песни на гитаре, и спать я шла счастливая, как после приема у английской королевы.

Канада – происходит от слова Kanata (деревня, поселение) на языке ирокезов. И на самом деле, если не брать во внимание небольшое количество городов-миллионников с метро, высотками и «цивилизацией», Канада – довольно деревенская, простая страна без изысков. Страна для простых радостей жизни: подняться в гору, поплавать летом на каноэ, замечтать стать учителем и стать им, печь печенье детям, изучать какую-то невыгодную в современном мире штуку, типа как первобытные индейцы выпиливали тотемные столбы. Канада может показаться – и точно покажется – скучной тем, кого вдохновляет мировая слава, «американская мечта», деньги, блеск светских приемов, роскошь и разнообразие архитектуры. Все это на гораздо более развитом уровне найдется в Нью-Йорке, Лондоне или Москве.

Канада – совсем про другое. Она про то, как люди до дыр снашивают какой-нибудь шерстяной свитер, связанный их бабушкой, а в протертом рюкзаке старенькая железная бутылка для воды: просто не хотят мусорить странные создания с кольцами в носу.

Когда работала в салоне автомобилей в Канаде, была удивлена, сколько людей десятилетиями не меняют машины из соображений экологии, экономии и привязанности к железному коню. Меня поначалу коробила канадская простота.

Особенно у женщин. После Москвы и моего родного города, где от машины до ногтей в женщине все должно было соответствовать чему-то и кому-то, но явно не заработной плате, я была удивлена, что в благополучной Канаде все иначе. А потом мне понравилось. Понравилось, что можно не думать о макияже каждый день, а делать его, когда душа просит, что можно не стесняться ни машины, ни статуса, ни своих странных желаний. Можно сказать, что именно благодаря такой атмосфере во мне стала оживать забытая с детства любовь к книгам, письму, приключениям, природе.

Канада настолько тебя ни к чему не призывает, ничего не обещает, не хвалит и не манипулирует, что это сначала похоже на ломку отказа от сахара: как это так жить не для признания общества, не для внимания, не для успеха и известности? Не для всех этих приправ к блюдам жизни. А просто жить: носить удобное, учить интересное, жить как живет.

Конечно, это не совсем относится к мегаполисам, это скорее мой опыт проживания в маленьких городках Канады: есть совершенно простые и скучные, но некоторые, как Нельсон, Тофино и другие малыши, – удивительное сочетание цивилизации, дикой природы и детской мечты.

В этих городках я встретила множество взрослых, не предавших свои детские мечты. Вот, наверное, если коротко назвать главное о встреченных канадцах: это люди, не предавшие свои детские мечты. Такие чудачки есть везде по миру, но Канада однозначно их земля.

Канада, конечно, страна эмигрантов. Это я особенно ясно поняла, когда началась учеба в колледже. Стайки худеньких японских студенток, вежливых, хихикающих и бесконечно милых в привязанности к своим игрушкам, сумочкам и телефонам. Яркие группы студентов из Индии: кто-то в тюрбанах, кто-то в повязках с бинди, яркой цветной точкой на лбу, а кто-то просто в браслетах. Сдержанные китайцы, которые всегда выполняли вовремя все задания, были очень вежливы и серьезны. Красавцы хоккеисты – канадцы, которые ходили плечистыми спортивными группами и флиртовали с девчонками на переменах в кафе. Редкие южноамериканцы и африканцы долетели до гор Британской Колумбии, но были и они, и я жадно впитывала истории их стран и культуру. Я познакомилась с людьми со всей планеты, которые также впервые оказались вдали от дома в новом языке и новой обстановке.

На наших вечеринках в комнатах общежития меня иногда охватывало переживание, что я на ковчеге Ноя, который дрейфует в неизвестность. На кухне студенческого общежития было собрано так много культур со всего мира, и каждый щедро делился историями, едой и поддержкой.

Первые недели мне все же хотелось сбежать. Учеба за полгода стоила всех моих денег на кредитной карте, учиться надо было два года, чтобы получить диплом и подать документы на рабочую визу. Где найти денег на оставшиеся полтора года и готова ли я жить так долго в глуши одна?

Бродя по колледжу среди студентов из других стран, в

большинстве своем гораздо младше меня, я не совсем понимала, хочу ли я учиться тут и какое меня ждет будущее. Две недели я ходила перед кассой колледжа и не могла решиться отдать последнюю финансовую опору, сняв все деньги с кредитной карты на обучение, и в итоге оказаться в полной неизвестности и беспомощности перед будущим.

Однажды мы сидели с моим другом Раджем, умным, смешливым индийцем лет сорока, который, покинув Индию в двадцать лет, уже давно стал человеком мира.

«Радж, это все мои деньги. Даже не мои, а банка. Я не понимаю, что я делаю. Может, мне лучше полететь домой, пока не поздно?» – спрашивала я его за ланчем между занятиями.

«И что будет дома, знаешь?» – внимательно глядя мне в глаза, спросил Радж.

Я радостно начала перечислять, что я могла бы работать на своей работе, может, снимать комнату и даже однажды взять еще одну ипотеку. В тот момент я действительно готова была уехать.

«Слушай, если я что-то понял о жизни, то это то, что из двух дорог всегда лучше выбирать ту, которая не повторится. Где больше волнения, влечения, страха. Секса, одним словом. Секса с жизнью. Обычно там больше приключений и меньше сожалений. А взять ипотеку ты всегда успеешь», – хитро подмигнул он мне и ушел на занятия.

В тот день я отдала все деньги в кассу колледжа. И с тех пор в моей жизни определенно появилось больше приключений.

чений.

Приключением всегда была сдача зачетов и экзамены.

Я ходила на все занятия, выполняла все задания, но все же не понимала большей части того, что говорили преподаватели.

Благодаря сильной математической подготовке, полученной в России, цифры покорялись мне легко, а вот все, что касалось макроэкономики, юриспруденции или проведения презентаций, было мукой. Я просто не понимала даже того, что у меня спрашивает преподаватель.

Первым на презентациях обычно ставили на балл выше. По этой причине я была везде и всегда первой.

До сих пор помню первую презентацию по макроэкономике. Вызвалась выступить первой, готовила слайды всю ночь, а на саму презентацию надела красное шерстяное платье, вплела красные цветы в волосы и впервые надела шпильки. В нашем тихом колледже, укутанном в снега, все приходили на занятия тепло и удобно, часто даже в лыжных брюках и шапке, а иногда и в пижаме.

Мне же хотелось отвлечь внимание от своего английского, поэтому, когда я вплыла в класс, покачиваясь, как морячок по палубе, на шпильках, от которых успела отвыкнуть, в классе стало тихо. Студенты оторвались от телефонов, преподаватель с любопытством смотрел, явно предвкушая, что же поведает эта жар-птица. А я, забыв обо всех страхах, начала веселиться, выпустив этим красным платьем свою иг-

ривость на волю. И пусть я не знала хорошо их языка, но, летая по сцене от слайда к слайду, словно танцуя, я точно понимала, что внимание аудитории было моим. А не это ли важно в любой презентации, да и в жизни?

Когда закончились мои слайды, преподаватель экономики захохотал, а студенты захлопали. Зачет был сдан. Но главным было другое: за что я была гонима дома и из-за чего казалась странной, именно за эти качества меня считали тут уникальной, необычной и креативной. Я вдруг перестала быть женщиной со сложной судьбой, а стала храброй девушкой с интересной жизнью. Начав учиться в колледже другой страны, я вдруг получила вторую юность и шанс переписать свою историю заново.

Хватая рюкзачки после пар, мы с подругой из Индии шли и мечтали о будущем, как школьницы.

– Я хочу объехать весь мир, взять интервью у Бьорк и Киану Ривза, – радостно фантазировала я, будто мне пятнадцать.

– Я, если честно, хочу замуж и открыть приют для сирот, – отвечала индуска.

– Ох! Я не знаю, что скажут мои родители на такое! Но я, наверное, хотела бы открыть свой театр теней в Канаде, – добавляла японка.

– А мне не хватает вечеринок! Я хотел бы быть владельцем ночного клуба, – делился парень из Бразилии.

Я вдруг попала в пространство, где все можно и ничего не поздно.

Ежедневно в автобус к нам подсаживалась забавная пара: пожилая бездомная старушка со связкой алюминиевых банок из-под содовой и пива размером с велосипед (эти банки она собирала по мусоркам и сдавала как приработок) и солнечный паренек (так в Канаде называют людей с синдромом Дауна). Они пели песни, болтали и смеялись на весь автобус.

Это были самые счастливые люди, которых я встретила.

А пассажиры автобуса, часто банкиры, преподаватели, студенты, поддерживали с ними разговор, рассуждая о погоде, новостях или просто о вчерашнем ужине.

Наблюдая за этим парнем с синдромом Дауна, за его умением радоваться снегу, дождю, новому свитеру, петь без стыда и восхищаться бутербродом, я подумала: «А может, это у нас, «нормальных» людей, на самом деле ограничены возможности? А может, те, кто вгоняет в рамки себя и других по гендеру, возрасту, национальной принадлежности, и есть те самые люди с ограниченными возможностями восприятия жизни во всем ее разнообразии?»

«А может, и со мной всегда было все в порядке?» – начала закрадываться бунтарская мысль в мою голову.

Быть собой оказалось вдруг так просто!

Никто не спрашивал, замужем ли я, сколько у меня детей, кем работаю.

«Что ты читаешь, взбиралась ли ты на ту гору, как прошел экзамен?» – интересовались попутчики моего автобуса тогда. И я с огромной радостью отвечала.

Мое первое образование случилось одновременно с рождением сына и прошло как во сне, зато во время этой учебы, погрузившись в прекрасную библиотеку колледжа, я наконец училась в полную силу. Каждая книга манила удивительной историей, каждый атлас – путешествием, а новый язык – инсайтами и друзьями. В библиотеке я проводила все дни до закрытия колледжа: во-первых, у меня не было денег на свои учебники, во-вторых, дома, в каморке было темно и уныло, а в-третьих, в суете своей прошлой жизни между работами, войной за сына и его воспитанием я совершенно забыла о том, как люблю учиться.

Сделав задания по учебе, я бродила между книжными рядами и впитывала новые названия, новых авторов, исследования. Жизнь вдруг стала казаться такой огромной и бездонной, а каждая книга, как портал, вела в новую вселенную – вселенную своего автора.

Вечерами чаще всего я ехала домой на последнем автобусе, хрустела снегом в темноте, что-то ела и ложилась спать. Сундуки с мыслями и страхами раскрывались внутри, как только я закрывала глаза. Но в ту пору я научилась еще одному важному умению, которое рекомендую взять во времена пересадок: закрывать сундуки своих мыслей. Прямо нажимать на крышку и усилием захлопывать сундук с мантрой «подумаю об этом завтра». Я просто не позволяла себе бояться.

В те дни меня часто просили рассказать мою историю и

почему я оказалась в Канаде.

Мне всегда было сложно ответить на этот вопрос – ведь если бы не одна случайная встреча с одним мальчиком в школе много лет назад, я оказалась бы где угодно, но не в Канаде.

Эту встречу я как сейчас помню.

Если читатель мне позволит, я введу еще одно обращение «ты» в мою книгу. Так я буду обращаться к тому мальчишке из детства, без которого эта история и не случилась бы. Я не решусь называть его имя в книге без спроса, а такие избитые обращения, как «любимый», мне не нравятся и самой.

Мы встретились случайно, когда нам было лет по двенадцать. Тогда я случайно перепутала школы и пришла к тебе в класс. Я этого не помню, это рассказал мне ты однажды. Так началась череда странных случайных встреч с тобой. Их было не счесть.

Однажды ты пригласил меня на вечеринку к себе домой. И вот там-то я влюбилась. Влюбилась в то, как бережно ты танцевал со мной, как показывал фотографии своей семьи, заправляя за ухо непослушные волосы длинными музыкальными пальцами, как наливал чай и внимательно выслушивал все мои истории. Мне кажется, меня никто никогда так не слушал до того дня.

Твои движения были расслабленно-сконцентрированными, как у гепарда. Я помню, как поражена была, когда увидела, как ты учишься играть на скрипке: рассматривая, как

музыканты играют в телевизоре, ты учился музыке. Во время нашего детства не было интернета, поэтому научиться играть любимую музыку можно было только так: подсматривая за любимым исполнителем. А я любила подсматривать за тобой. Я никогда в жизни не любила никого рассматривать так, как тебя.

Назвать тебя красавцем я не могу. Красивого в тебе был только глубокий внимательный взгляд и руки. Но в то же время красиво было все: небрежно завязанные кеды, отросшие волосы, спокойная, даже немного презрительная уверенность в себе на людях и невероятная чуткость, забота и глубина размышлений, когда мы оставались вдвоем.

Но на самом деле сама до сих пор не могу понять, что меня в тебе привлекало. Ты был словно ключик от огромного механизма внутри меня, о котором я раньше даже не подозревала, не знала, что он там есть. Это оказалось даже страшно: словно ты заводная кукла, которая машинально ходит на учебу, улыбается одноклассникам, делает уроки. А однажды встречается мальчик, который просто внимательно смотрит в твои глаза, и ты оживаешь.

Когда ты был рядом, во мне не оставалось ничего механического. Когда ты был рядом, мы постоянно играли, говорили и исследовали мир.

Я помню один зимний вечер, когда мы встретились на берегу озера и не заметили, как вышли далеко за пределы города, разговаривая обо всем на свете. Когда поняли, что за-

блудились, мы забрались на старую башню, которая раскачивалась на ветру, чтобы осмотреться и понять, где мы. Ты бережно поддерживал меня за плечи, а я очень боялась. Железная башня раскачивалась из стороны в сторону, город блещет огнями вдалеке, ты обнял меня тогда впервые, желая защитить от ветра.

«Мне кажется, мы так стояли вечность. Все, что было до тебя, кажется просто сном теперь», – прошептал ты мне на ухо. И именно это ощущение остановки времени, такое огромное, такое необъятное для девочки в четырнадцать лет, и было тем самым основным чувством. Словно ты – единственное в моей жизни, что никогда не кончалось и не начиналось.

Это не похоже было ни на первую влюбленность, ни на страсть. Мы спустились с башни притихшие, молча нашли трамвай. Ожидая трамвай, ты вдруг исчез на несколько минут и вернулся довольный, с орхидеей в руках.

«Ты мне очень напоминаешь эту орхидею, так непохожую на все цветы в оранжерее. Не удержался – купил ее. И потратил все деньги! Ты же не против, если мы поедем сзади трамвая?» – тут ты, взяв меня за руку, усадил позади трамвая на железный выступ и сел рядом сам, закрывая меня от ветра всем телом. Мы приехали домой в полночь. Меня, конечно, ругали родители. А я, заперевшись потом в теплой ванной, начала впервые в жизни писать дневник. Именно благодаря встрече с тобой я начала писать.

С тех пор было много прогулок, игр и разговоров. Мы почти не общались в школе, встречаясь обычно за ее пределами. Мы говорили о музыке, о смерти. Но никогда не говорили о любви. Мы словно не хотели пускать никого в тот мир чудес, где находились. Ни людей, ни слова.

А потом наступило лето. И мы разъехались по разным городам. В то время не было телефонов, поэтому мы просто перестали общаться. Я перестала вести дневник. В том месте, где раньше был ты, образовалась огромная дыра. Я и не знала, как была счастлива с тобой, пока не узнала, что такое мир без тебя.

Это было бесконечное одинокое лето в деревне у бабушки. Этим летом расстались впервые не только мы с тобой: покинуло меня и детство.

Я плохо помню следующие годы школы. Помню только, что больше мы никогда не гуляли вместе. Я была слишком горда, чтобы спросить, почему мы не общаемся. А тебя словно что-то сдерживало внутри, чтобы подойти ко мне. Как я узнала позже, сдерживало тебя знакомство с другой девочкой этим летом, которая стала однажды твоей женой.

Незаметно закончилось школьное время. Последний раз мы говорили на выпускном балу. Сначала ты меня пригласил на танец, а потом мы и вовсе сбежали ото всех на чердак дворца, где и встретили рассвет. Было удивительное чувство, что расставания и не было. Первый поцелуй. И слезы. Слезы страха и волнения перед такой огромной жизнью впереди.

А спустя время узнала о твоей помолвке. Мое сердце тогда вывалилось из меня где-то, да я и не жалела. Без сердца жить оказалось гораздо легче.

Спустя несколько месяцев, в семнадцать лет, я встретила своего будущего мужа, будущего папу моего сына. Он первый мужчина в моей жизни и сказал тогда прямо: «Я хочу на тебе жениться». И не просто сказал, но окутал вниманием.

Меня, привыкшую к равнодушию собственного отца и все еще раненую странной историей с тобой, настойчивость будущего мужа излечила, словно лекарство. Я тогда еще не умела различать контроль и заботу, любовь и одержимость.

Подписывая брачный сертификат в восемнадцать лет, я и не знала, что подписываю себе путевку в ад. С первого дня замужества я была резко отрезана от семьи, от права голоса, от себя.

Я рада, что, несмотря на беременность, продолжала учиться в университете. Моя одежда и длина юбки в университете строго проверялась, так же, как и мой сотовый телефон. По вечерам в мои обязанности входило приготовление обедов и ужинов, а также ежедневная глажка и стирка вещей. Перед сном я всегда полировала с кремом туфли мужа. Он внимательно проверял качество исполнения и, если работа его устраивала, выдавал деньги на покупку еды в магазине.

Мне было восемнадцать, я была беременна и зависима финансово. Более того, я выросла с уверенностью, что это и есть семейная жизнь. Поэтому старалась угодить изо всех

сил. Незаметно черты юности стали стираться с моего лица. Мечты о любви, путешествиях, семье, где много смеха и нежности, – все это я запихала в темный угол души подальше, как ненужные старые игрушки.

Моей маме приходиться к нам в гости запрещалось, зато мама мужа была у нас дома почти каждый вечер. Они часто уходили вдвоем из кухни, пока я убирала со стола, чтобы обсудить дела, в которые меня никогда не посвящали. Муж семимильными шагами шел во власть и богатство, а я стала просто прислугой, которая вынашивала его ребенка.

После рождения сына все стало еще хуже. Ухаживать за ребенком, так сложилось в моем обществе, было женской работой. Роды были непростые, у сына было повышенное давление, и он беспрестанно кричал. Первый год я практически не спала. Готовка, уборка, обслуживание мужа и уход за младенцем забирали все дни, а ночью я делала задания по университетской учебе.

Это были очень одинокие годы.

Я и не знала, о чем тоскую, думая, что полностью в одиночку ухаживать за ребенком – это нормально.

Я была уверена, что мое мнение не слышат, потому что я молода и глупа.

Я грустила, что в нашей семье не было ни разговоров, ни совместных прогулок с коляской, ни нежности. Мне казалось, я просто недостаточно хороша.

И старалась еще чище убирать, еще больше готовить, еще

меньше смеяться.

Я перестала грустить, что муж все время на работе. Я стала радоваться этому. Эти тихие часы вдвоем с сыном были самым счастливым временем тех дней.

«Все женщины так живут. Многие были бы счастливы на твоём месте – посмотри, в какой уютной квартире ты живешь, еда всегда на столе. Что тебе еще надо?» – муж всегда звучал убедительно и уверенно, поэтому я ему верила.

В конце концов, мы и правда не голодали и жили в уютной квартире.

Из-за того, что муж сильно храпел, я стала уходить спать в ванную, чтобы выспаться хоть немного. Спала на одеяле на полу. Однажды проснулась от удара ногой по голове: муж был зол, что я забрала теплое одеяло, и так будил меня, чтобы отдала его.

Я молча отдала одеяло и пошла готовить ему завтрак. За окном светало. Я никогда не курила, но в то утро, когда он ушел на работу, я взяла его сигареты и закурила. Словно прося сигареты передать мне хоть немного его силы.

«Я не могу так больше жить», – набравшись храбрости, сказала я тем вечером мужу.

«Если вздумаешь уйти – убью», – обрезал он и, поужинав, ушел к друзьям.

Я знала, что он не шутит. После свадьбы я узнала слишком много о его прошлом. А еще я знала, что меня было некому защитить.

Но глубоко внутри понимала, что если я не уйду, то во мне умрет навсегда что-то гораздо большее, чем сама жизнь. Тогда я сделала свой самый важный выбор в жизни: лучше быть мертвой снаружи, чем внутри.

Я понимала, что моему сыну с рождения достались непростые карты. А значит, ему нужна живая мама. Живая и любящая мама, которая, словно оберег, укутает его в любой темноте.

Следующим утром я собрала сумку и вышла из дома с годовалым сыном на руках. Я помню то утро, когда ехала на трамвае к маме домой, холодея от ужаса и своей смелости, прижимая белокурую головку Марка к груди. Тот шаг навсегда останется самой большой моей храбростью в жизни. Я была готова умереть, но больше никогда не просыпаться от удара ногой по голове.

Следующие десять лет моей жизни были настолько непростые и насыщенные, что, чтобы описать их, понадобилась бы еще одна книга. Жизнь мамы-одиночки никогда не простая. А когда ты выходишь из нездоровых отношений, так вообще становишься воином. Ловким ударом одной руки отбиваешь счета, которые сыплются на тебя, словно летний дождь, а другой варишь суп малышу и читаешь ему книги перед сном.

Работала я постоянно. В банке по профессии, таксистом по ночам, а по выходным мы продавали с сыном овощи на рынке. Финансовой поддержки бывший муж не оказывал, хотя был к тому времени уже миллионером, а по закону мне

назначили смешную сумму, достаточную лишь на покупку ужина на один вечер. Так я узнала, что живу в стране, где права женщин и детей не защищены, а защищены лишь права тех, у кого есть деньги и связи.

Работа в такси в те годы была по ночам. Уложив сына спать под присмотром мамы, я уезжала на работу таксистом. Возила я без лицензии – просто подбирая случайных попутчиков. Именно это умение разбираться в незнакомцах, которое подарила мне работа в такси, и пригодило меня, как я поняла позже, к одиночным путешествиям. Таксовать по ночам – лучшая тренировка интуиции! Иногда, возвращаясь домой под утро, я плакала от усталости. Жизнь казалась бесконечным колесом тревог и выживания.

Но долго грустить было некогда: заботы о малыше, безденежье и постоянный страх, что его отберут, были моими спутниками, а ночами я не спала, спрашивая небеса, за что же я попала в такую ситуацию.

Тогда и начался мой путь в психологию и к чему-то еще выше. Я искала любой поддержки, любой информации о том, как себя вести в ситуации полной беспомощности.

Много раз приезжая в садик после работы, ребенка я не находила. А потом начала видеть, что мои переживания доставляют бывшему мужу удовольствие. Он словно хотел добить меня, растоптать, растереть в порошок. Словно видя во мне врага, а не простую девчонку двадцати лет, с кем не получилась семья. Я ощущала, что мне мстили. За что-то, чего

я не совершала.

Я знала, что папа моего сына был навсегда разлучен своей матерью с отцом. Видимо, именно эта детская история и послужила основой его жестокости по отношению ко мне и желанием разлучить нас с сыном. В картине мира бывшего мужа просто не было вариантов, где родителей у ребенка двое.

Глубоко внутри я понимала, что если и начну битву за сына, то навсегда поселю в его душе раскол. Невозможно разделить то, что однажды соединилось. Мама и папа для ребенка неразделимы и важны. Я не знала, что мне делать. Я не хотела, чтобы мой ребенок жил на войне.

Так я стала учиться жить в нескольких реальностях. В одной реальности я училась спокойно переносить свой страх потерять сына: я чувствовала, что именно мое внутреннее спокойствие и вера в то, что все будет хорошо, и есть мой главный оберег. Я училась уважать свою беззащитность, сжимая иногда до белых костей свои руки от отчаяния, но никогда не показывая свой страх внешне.

Я училась уважать внутреннюю боль отца своего ребенка. Когда сына у меня забирали, я училась выстраивать внутри теплое мирное поле между нами троими, а внешне растила спокойную уверенность, что все будет хорошо, даже когда не слышала сына несколько дней.

После неоднократных попыток обратиться в полицию я поняла, что моя история никому не интересна: обычные семейные разборательства. Вместо того чтобы растить свою

тревогу, я училась растить свое доверие к миру.

Я стала словно батареей, производящей любовь и спокойствие для трех малышей: сына, испуганной девчонки, которой я и была на самом деле, и злого, обиженного на весь мир малыша – моего бывшего мужа. Я и не знала, что так начинается взросление: не потому, что ты попадаешь в мир взрослых, а потому, что вынужден учиться жить среди обиженных раненых детей.

Год шел за годом, я начала понемногу вставать на ноги, даже купила квартиру в ипотеку. Денег на мебель и ремонт у меня не было, но зато у меня были друзья. Друзья помогали красить стены и завозить мебель. Наши уютные вечера на полу без стола, просмотры фильмов вместе с сыном в обнимку по вечерам, разговоры по утрам по дороге в школу. У меня было странное ощущение, что я проживаю не совсем свою жизнь. Я словно зашла случайно не на свою линию. Но этот русоволосый умный мальчуган, который называл меня мамой, стоил всех трудностей.

Я всегда нравилась мужчинам и иногда ходила на свидания. Но внутри у меня было холодно и пусто. Я словно потеряла интерес к своей женской судьбе. Несколько раз мне даже предлагали выйти замуж. Это были приятные, хорошие люди. Но у меня внутри не откликалось ничего. Гораздо ценнее мне была с таким трудом завоеванная свобода. К семейной жизни я не испытывала больше ни малейшего интереса, вздрагивая каждый раз при виде свадебных церемоний.

Помню одно утро в холодной электричке в Подмосковье. Я возвращалась домой из командировки. И вдруг поняла, что мне уже почти тридцать лет. Я стала взрослой женщиной с ребенком и ипотекой. Стала именно той, кем так боялась стать в детстве.

В моей жизни так и не случилась большая любовь, да и не было в этом ничего необычного. По статистике в моей стране разводы и аварии случались все же чаще, чем любовь.

Я не стала ни путешественницей, ни ученой, ни одна моя детская мечта не сбылась. Я помню, как тогда приняла решение, что буду счастливой, несмотря ни на что. Просто потому, что дома ждет сын, потому, что скоро весна, потому, что могу купить себе горячий чай с лимоном на вокзале и вдыхать запах московского метро в командировках.

Той весной я стала много летать по работе. И однажды в самолете, спустя десять лет после окончания школы, мы случайно встретились с тобой снова.

Мы приятно общались на протяжении всего полета. Я была рада видеть тебя, как привет из детства.

Я помню, как рассматривала твой паспорт и увидела там штампик с изображением пингвина из Антарктиды. Ты, как оказалось, увидел весь мир, от Новой Зеландии до Чили, и летел домой погостить у родителей. Мне было приятно, что именно ты был моей первой школьной любовью, хотя бы в юности я не ошиблась.

Приземлившись, мы расстались легко и тепло, я была уве-

рена, что уж точно навсегда. А на следующий день ты просто пригласил меня на прогулку. С того дня мы не расставались.

Я помню, как мы не спали первые несколько дней после первой встречи. Читали мои дневники и делились воспоминаниями. Ты рассказывал все, что с тобой случилось за эти десять лет, а потом внимательно выслушивал меня. Мы бродили по району нашего детства и делились друг с другом абсолютно всем, словно и не было тех лет расставания. Я вдруг поняла, почему у меня не получалось с другими: потому что все во мне, от вкусовых пристрастий до странных игр и чувства юмора, оказалось словно пазлом ко всем твоим странностям и интересам.

Я знала, что ты приехал в город всего на несколько недель, поэтому была счастлива каждый день просто оттого, что ты есть. Жизнь нам словно подарила билет в те времена, когда мы были школьниками.

Мы, как дети, забыли обо всех взрослых правилах, просто болтали ночами и слушали музыку через одни наушники на двоих, ездили на велосипеде, гуляли на природе и постоянно смеялись.

А однажды ты меня обнял. Я и не знала, на какую страсть способны мои клетки. Я и не знала, что все эти годы во мне живет дикое животное, которое наконец вырвалось на свободу. Я и не знала, что бывает так, что ты не знаешь, где твои пальцы заканчиваются, а где начинаются мои. Мое тело, словно годами пребывавшее в оцепенении, будто ожило,

а я только и успевала, что удивляться, что это происходит со мной наяву. Ты был удивлен не меньше, все дальше и дальше переноса время своего отъезда. Расстаться даже на день нам казалось невыносимым.

Это было самое счастливое лето в моей жизни. Я показала тебе Байкал, а потом мы проехали за рулем половину России, прятали в дупло дерева в парке записки с признаниями в любви, чтоб найти их в старости. Готовили завтрак по утрам, танцуя под музыку, и читали по вечерам. Постоянно играли. Это, наверное, было самое волшебное в наших отношениях: мы постоянно во что-то играли, переодевались в разные костюмы, превращая в приключение даже простую смену колес на машине. Мы оба сильно похудели и находились на каком-то пределе своих возможностей. Во мне начали расцветать бутоны моих забытых желаний, я стала писать и видеть будущее. И словно стала снова доверять миру.

Однажды в ноябре ты принес рождественскую елку, мы приготовили праздничный стол, нарядились и даже запустили фейерверки. Мы словно обманули код времени, случайно попав в вечное детство и вечную любовь.

Я помню тот вечер под елкой. Ты лежал и гладил мои волосы, рассматривая глаза. А я просила мир: «Остановите все, пожалуйста, сейчас. Я не смогу быть счастливее». Абсолютно все мои клетки стали любовью и благодарностью. Все обиды растворились. Я была лучшей версией себя и словно светилась от радости.

«Я получил работу на другом континенте, к которой готовился несколько лет. Я не знаю, как быть. Я хочу быть с тобой, но как?» – сказал мне ты однажды.

Не знала, как быть, и я. Потому что, конечно, сына в другую страну никто бы не отпустил, а без сына я бы не улетела. Я не хотела, чтобы ты из-за меня предавал свою мечту. Но и жизни без тебя представить больше не могла.

А потом случились и другие удары судьбы: у моего дедушки обнаружили последнюю стадию рака, а у сестры отказали почки. Из года безоблачной жизни меня словно кинули гореть заживо. Я видела, как жизнь растаскивает нас по разным полюсам.

Твоя реальность, где впереди новая страна и возможности, свобода передвижения и новые знакомства. И моя реальность, где впереди меня ждали только больницы и переживания о близких. Остаться в те дни рядом со мной значило принять на себя добровольное проклятие, закопать свою жизнь.

Шанс изменить жизнь выпадает редко. И в те дни для тебя шансом изменить жизнь стала не наша встреча, а другая страна. Даже когда ты еще гладил мои волосы, я уже чувствовала это ледяное расстояние между нами. Оно, словно нож, погружалось глубоко в легкие, мешая дышать.

Я не обижалась на тебя. Я не умела испытывать к тебе ничего, кроме любви, просто пыталась запомнить, как выглядят твои руки, глаза, какие на ощупь твои волосы. Уже зная,

что ты меня не выбрал. Уже зная, что испытать такое чувство я больше не способна ни к кому.

Ты улетел на другой континент. Как фантомы прошлой связи, между нами еще случались звонки и письма, но прожить такой момент и остаться вместе можно, только не отпуская рук.

Во мне росла жгучая обида на жизнь. Я ведь уже привыкла жить и не мечтать о любви, зачем же мне подарили этот год счастья? Чтобы он жег меня теперь невозможностью ни вернуть тебя, ни забыть?

За что человеку так мучительно умирать, как это выпало на долю моему дедушке?

Мы с мамой перевезли его из деревни к нам домой и стали возить на процедуры. Чтобы покрывать счета на лечение, я продала квартиру, впервые в жизни попросив о помощи своего бывшего мужа, рассказав ему всю ситуацию, как есть. Нам так нужна была любая поддержка!

Помощи я не получила, зато, поняв, что я продала квартиру и нам негде больше жить, бывший муж забрал сына к себе, в один день перевел в закрытую частную школу, ограничив мой доступ к нему. Он знал, что у меня нет денег за него бороться, а я понимала, что не выиграю у миллионера со связями ни одного суда. Внутри меня сломалась надежда, что я могу повлиять в моей жизни хоть на что-то.

Расставание с сыном стало последним камнем на удавке моей реальности. Я сорвалась в темноту.

Причин, почему я выбрала уехать, а не прожить свое горе в родном городе, были десятки, но одна из главных – неумение в обществе, в котором я жила, поддерживать и оберегать человека, когда он проживает горе. Есть ситуации, когда ты ходишь с содранной кожей, ребра впились в сердце, глазницы сожжены от слез. Подвиг – дышать в такие дни. И когда тебе говорят: «Все будет хорошо», «Как дела?» или, еще хуже, начинают расспрашивать о подробностях. Это было похоже на то, что я будто дышу сквозь щель в целлофановом пакете и мой единственный источник кислорода закрывают любопытные наблюдатели.

Спустя годы я точно понимаю, что улетела в пустоту, чтобы выжить и уцелеть. Я словно сделала огромный вдох от ужаса и горя, а выдохнула его только в лесу Британской Колумбии.

Чувствам для проживания нужно безопасное место и время. Их нужно разложить, будто собранную землянику на полянке, рассмотреть, помолчать или прорыдать. Когда чувства очень сложные, другой человек помочь просто не в состоянии. Дикая природа и есть уникальноеместилище для наших чувств. Она мудрее и сильнее нас. Неважно, в каком состоянии ты зашел в лес, выйдешь ты точно чуть гармоничнее. А как я поняла за годы своей одиночной эмиграции и пересадок, «чуть» – это как раз достаточно, чтоб прожить этот день.

Встреча с оленем

Та зима в Канаде была самой бедной в моей жизни и полной неизвестности. Я не имела права работать, ютилась на паре квадратных метров подвала, не была уверена, что мне продлят визу, сдам ли экзамены в колледже, потому что не понимала и половины того, что говорили на занятиях. Но самой сложной была неизвестность: увижу ли сына, что будет с сестрой, смогу ли привыкнуть к мысли, что не увижу тебя, и не разрушаться каждый раз от этого всего.

Когда долго живешь в состоянии неопределенности, неизвестности и ожидания, когда не можешь ни изменить ничего, ни сбежать, ни забыть, тогда полезным является навык медведя – замереть. Уйти в спячку. Стать безымянным гребцом, послушно выполняющим свои махи весла на галере жизни. Не спрашивать. Не вспоминать. Не надеяться. Стать прозрачной льдинкой, заморозив все свои слезы до весны.

Я будто забыла все, к чему привыкла. Просыпалась на узенькой кровати от цокота когтей хозяйской собаки на верхнем этаже. Собирала свой завтрак и обед в колледж, складывала тетрадки в рюкзак. Радовалась, что у меня были теплая лыжная куртка и свитер. Радовалась тому, какие чудесные сапоги я нашла в секонд-хенде всего за двадцать долларов. Радовалась, что мне надо было идти по снежным рельсам к остановке автобуса полчаса утром и вечером, а чистый снег

так вкусно хрустит!

Обедая в столовой колледжа, привыкнув даже к крепкому невкусному кофе, который тут пил каждый, обсуждая домашние задания с новыми друзьями, а иногда вечерами принимая приглашения на пиво в местный бар со студентами, я радовалась, что, как медведь, купила себе эти месяцы зимы.

В моем городке ничего не происходило. Один кинотеатр на округу да пара баров. Зато были река, мост, лес. Но главное, было целительное безразличное одиночество. Меня тут никто не знал и не интересовался тем, что происходит внутри.

Однажды морозным утром, когда шла на автобус в колледж, только начинало светать, и я увидела оленя. Нежный, грациозный, он внимательно посмотрел на меня и ускакал в лес. Но на какой-то момент наши глаза встретились. И, только отразившись в его глазах, я поняла, что все еще жива.

Я не знаю, что было бы со мной, останься я в Ванкувере. Не знаю, смогла бы я выжить эту зиму, пихаясь в метро по дороге на учебу, среди серых бетонных улиц, рекламных вывесок, магазинов и равнодушных лиц большого города. Я была настолько безразлична к своей жизни, что, свернувшись, как осенний листочек, прыгнула в реку жизни и отдалась ей абсолютно. То, что я оказалась в канадской глубинке, живущей простыми ритмами, укрытой сугробами, на другом конце земли, и есть для меня главное доказательство, что живое всегда будет биться за живое в тебе до последнего. Именно

эта простая скромная жизнь меня в итоге и спасла.

Встреча с тем оленем напомнила, что я живая, и помогла понять, что уходить в сторону от живого я начала очень давно. Олень увидел в моих глазах ту меня. Девчонку на велосипеде у бабушки в деревне. Девочку на чердаке с книгой в руках. Девочку, которая в одиночестве ждала, когда же вернутся мама и папа. В страшные для нас девяностые мама лежала в больнице с сестрой, а папа ночами продавал хлеб на вокзале, оставляя меня одну в пустой комнате общежития. Вся наша семья выживала, как могла, в те тяжелые годы.

Именно ту девочку увидел олень.

«Ты жива?» – беззвучно спрашивала я ее тем вечером. Было темно, и я не могла рассмотреть, какая она, моя девочка. А она отвернулась к стене и молчала.

Я чувствовала, что ко мне у нее нет ни интереса, ни доверия. Я чувствовала, что она съежилась комочком в уголке, раздавленная тем, что потеряла друга, любимого, единственного, кто ее видел, – тебя. И своего малыша – сына.

Моя девочка давно пережила мое предательство, отсутствие интереса к ней и вечную занятость родителей. Но твое предательство ей было не вынести. Как спящая красавица, осознавшая, что ее принц не придет и не поцелует, что сказочный замок превратился в доски и простынки, а конь – просто деревянная палка.

Детство ушло. Ты ушел. Создать детство без тревог для сына тоже не получилось. «А значит, пора уходить и мне», –

будто говорила мне ее сторбленная спина.

Мне было нечего себе сказать. Мы сидели вдвоем часами в этой темной комнатке без окон. Как ненужные ночью маски, на двери висели мои роли: студентки, эмигрантки, русской девушки. Единственное живое находилось в этом темном комочке, который, равнодушно отвернувшись от мира, сидел в углу комнаты, пока мое тело ходило и делало вид, что живет.

Передо мной всплывали воспоминания. Сколько раз я тебя предавала, моя девочка, когда ты прибежала ко мне делиться своими чувствами, радостями и переживаниями! За делами, отчетами, счетами я давно перестала замечать, что ты давно уже не прибегаешь ко мне, что очень давно мы не фантазируем, не обнимаемся перед сном. Сидя зимними ночами по несколько часов в каморке под мерцание свечи, я вдруг начала видеть все в жизни иначе, чем раньше. Я боялась зажечь свет. Мне казалось, живой свет свечи грел и охранял мою девочку внутри, а включи я электричество, она исчезла бы навсегда.

Иногда к нам в комнатку приходил и твой мальчик. Не знаю, где был ты в тот момент, но твой мальчишка был с нами. Он садился в другой уголок, и ему было хорошо с нами.

Я потом увидела, как к нашей свече потянулись дети, забытые и преданные своими взрослыми. С той зимы я получила дар: начала видеть, где от человека осталась просто маска и удобный костюм, живет ли в нем его малыш или его

выкинули на улицу за ненадобностью или невозможностью выдержать его чувства.

Меня всегда пугали фильмы о зомби. Той зимой я вдруг поняла, что это были не фильмы.

Иногда я не могла уснуть всю ночь. Я не помню, сколько свечей сожгла. Я так боялась, что свеча погаснет, не дождав-шись рассвета.

Однажды, ближе к весне, я увидела, что спина моей де-вочки расслабилась, не ожидая больше ножа. И она наконец уснула.

Моя девочка стала чуть живее той весной. Я начала выво-дить ее на свежий воздух из темной комнаты. Мы сидели на деревянных облезлых ступеньках дома и наблюдали за обла-ками. «Вот бы еще раз встретить того оленя!» – я от неочи-данности вздрогнула. Моя девочка отогрелась и начала го-ворить со мной опять! Как в детстве. Мы справились!

Британская Колумбия – чудесное место для детей. Вели-чественная река Коламбия, деревья, как могучие атланты, подпирающие небо сотни лет, Скалистые горы, которые пом-нят и индейцев, и золотоискателей, и русских духоборов. Всем давала приют эта щедрая земля. Всех обнимала мяг-кими мхами своих лесных полян, кормила ягодами, влива-ла в легкие, словно лечебный бульон, свежайший воздух. А самым храбрым, которые взбирались на горы, давала еще и совершенно новую перспективу.

Я начала учиться жить заново. Я уже начала даже немно-

го радоваться и строить планы, что буду делать, когда сдам экзамены и получу рабочую визу.

Глава 4. Гавайи, или Неожиданная инициация

Жизнь выкинула меня на свалку истории в моем городе. А я взяла и поехала на Гавайи, где истории у меня не было совсем.

Дни втянулись в какой-то серый, приглушенный ритм, который бывает зимой на севере. Каморка в подвале, привычные полчаса пешком по снегу, приветливые пять минут с

пассажирами автобуса, преимущественно милыми старушками да такими же студентами, как я, лекции, учеба, путь домой. В отсутствие машины самым большим развлечением было побродить по снегу по соседним кварталам, рассматривая одинаковые домики канадской глубинки, слушая музыку, которую ты так щедро оставил на моем плеере.

Я удалила все наши фото, все письма, всё. Осталась лишь музыка да кольцо. До сих пор улыбаюсь, вспоминая, как ты его подарил. Дело же не в самом кольце? Помнится все, что связано с этим подарком.

Если бы можно было представить тот волшебный момент, что какая-то волшебная сила заполняет все пустоты, исполняет мечты, о которых ты даже не позволял себе думать, кровь превращается в радость, лимфа – в нежность. Тела становится так мало, что любовь фонтанирует из тебя по полу, заливает кухню и вытекает на майскую улицу. Это был такой вечер.

Мне кажется, все штампы и свадьбы выдумали, чтобы хоть как-то скопировать такой живой момент любви. Но если перед людьми такую клятву легко нарушить, то перед всеми своими клетками и сердцем – нет. Тогда я и подписала себе приговор – отдаться любви без остатка. А идти дорогой любви – это значит всегда идти по бездорожью.

Я положила голову к тебе на колени, а ты бережно перебирал мои волосы пальцами, словно струны своей любимой гитары. Время и расстояния перестали существовать. Была

только любовь. И мне было волшеббно.

«Я хочу подарить тебе кольцо», – просто сказал ты, словно подтвердив, что безмолвная свадьба случилась не только в моем сердце, но и в твоём.

Кольцо отозвалось сразу. Это было даже страшно: я никогда не получала такого кольца. С тех пор, как мы расстались, это кольцо стало жечь мой палец. Надето оно было на палец, а снимать его пришлось с души.

Так, мне кажется, и началась моя первая инициация и волшебная игра с планетой. Интуитивно поняла, что из уважения к себе и своей истории любви мне нужно испытать любовь еще большего объема, чтобы мы с тобой смогли освободить друг друга.

Я успокоила тело строгим режимом дня, ум – учебой, а тоску о родных – долгой ходьбой. Но кольцо по-прежнему жгло палец, даже полтора года спустя.

Пугали меня предстоящие каникулы: остаться наедине со своей пустотой я была не готова, а денег лететь через всю планету домой не было. Чтобы развлечь себя перед сном, путешествовала по сайту авиабилетов. Там и увидела невероятно недорогой билет на Гавайи.

Гавайи? Я и Гавайи? Когда-то мне казалось храбростью невероятного уровня уехать на последние деньги в Канаду, но там было много разумных доводов и выгод. Но Гавайи – просто глупая детская мечта девочки из общежития. Но что-то внутри меня впервые за полтора года выдало немного ра-

дости, которой было так много с тобой, но которая покинула мою жизнь после нашего расставания.

Но денег даже на невероятно недорогой билет у меня не было.

И тут кольцо стало жечь сильнее, будто пыталось что-то сказать. Что-то вроде: «Я согласен. Я согласен жечь тебя воспоминаниями о любви чуть меньше, если ты выполнишь детскую мечту той девочки из общежития. Можешь меня продать и на эти деньги полететь на Гавайи».

Так у меня начался мой странный роман с миром, плодом которого стали кругосветное путешествие и эта книга.

Я продала кольцо и купила билет на Гавайи. А потом случился обвал рубля, и деньги на поездку сгорели, осталось что-то около 150 долларов на месяц жизни на Гавайях. Только сейчас я понимаю, что, решившись на путешествие практически без денег, я получила первый урок жизни – урок доверия.

«Я делаю это!» – улыбка не сходила с лица весь полет, а факт, что в кармане всего сто пятьдесят долларов, означал, что волшебная нищая неизвестность ждала меня впереди, на Гавайях.

Я забронировала на три ночи хостел на Оаху и хостел в Мауи «Банана Бунгало», а с остальными ночами мне обещала помочь пожилая пара – друзья хозяйки моей комнаты. Эта пара встретилась онлайн: она из моего городка в Канаде, он из Америки. Они встретились, когда обоим было уже за

шестьдесят, и решили начать новую жизнь вдвоем на Гавайях.

Свой приют на Гавайях я нашла еще в Канаде, словно любопытная мартышка, спрашивая всех: водителя автобуса, учителей в колледже, продавца в магазине: «А есть ли у вас кто-то на Гавайях?»

Так мне дали контакты голливудского режиссера, который, выйдя на пенсию, уехал на Гавайи снимать фильмы про дельфинов. План был пожить на его вилле на Биг-Айленд несколько дней, а потом переехать на другую сторону острова и закончить путешествие рядом с вулканами в Хило.

«Есть будут недорогие фрукты, а ездить на местных автобусах, – думала наивная я. – Так и выживу на свои скромные сбережения».

А главное, не буду думать о твоих глазах. Если я что-то и поняла в науке о том, как по-настоящему отпустить кого-то, кого дороже сердцу нет, так это стать охотником за радостью и за чем-то, о чем ты даже мечтать не мог. Охотником за запредельным.

Когда за человеком пришла любовь и перевернула мир вверх дном, это значит, что он в самом начале пути к той жизни, в которой раскрывается потенциал и таланты. Внешне ничего не меняется, но внутри меняется все. Жизнь пришла к тебе на свидание. И тут самый важный вопрос: а готов ли ты?

Итак, пересадка в новую реальность началась: Алоха, Га-

вайи!

Первое, что помню о Гавайях, – сладкий теплый воздух на выходе из самолета, холоднящие кондиционеры в автобусах и разочарование от известного пляжа Вайкики. Впрочем, почти так же потом меня разочаровали и Копа Кобана в Бразилии, да и все известные пляжи, кроме побережья Орегона. Это просто красивые побережья с зонтиками, лежаками и туристами, где можно отдохнуть перед вылетом, выпить коктейль на закате, но ради приключений снимать сандалии здесь не надо.

Мой совет по Гавайям: это, пожалуй, единственное место в мире, где я порекомендовала бы оставаться в хостелах, даже если у вас есть деньги на шикарный отель. Мне кажется, в гавайских хостелах открывается параллельная реальность, недоступная жителям отелей, которые защищены от настоящих Гавайев воротами своих отелей. В гавайских же хостелах собираются удивительные люди со всей планеты. Обычно это образованные путешественники разного возраста. Кто приехал отдохнуть после колледжа и подумать о будущем. Кто, как и я, переживал утрату старой жизни. А кто-то вообще, как свободная птица, зимует на Гавайях уже который год, по вечерам вываливая жемчуг своих историй на случайных слушателей.

А еще в хостелах путешественники сбиваются в компании и вместе арендуют машины, чтобы сплотиться в общем приключении и сэкономить деньги. Ни в каком другом месте та-

кого количества спонтанных поездок и компаний, как на Гавайях, со мной больше не случилось. Чтобы моя книга принесла практическую пользу, поделюсь самыми запомнившимися местами на Оаху, но «мои» Гавайи начались все же на Биг-Айленде и в Мауи.

Гонолулу – это туристический теплый город на острове, на краю земли с барами и отелями, пробками и «Макдоналдсами». Оттуда мы с моими новыми знакомыми из Канады, Америки и Швейцарии двинулись исследовать окрестные достопримечательности на велосипедах. Покружившись у очень красивого, зеленого *Capital District*, мы двинулись поплавать с черепахами в Hanauma Bay, где было огромное количество туристов, и в замечательные джунгли к водопадам Мапоа.

Чем-то совершенно особенным стал поход по «лестнице в рай» на закате. Мы как-то очень сблизились в нашей случайной группе: делились историями из жизни, мечтами, помогали друг другу на сложных участках пути.

В тот день во мне открылось что-то очень большое. Я, обычная девушка из южного города России с непростой историей, вдруг сделалась человеком мира, а люди из далеких прежде стран и городов вдруг стали просто людьми на расстоянии вытянутой руки. А Гавайи – просто местом на карте, а не далекой мечтой. В тот день в моей голове будто сломался барьер, отделявший меня от мира, а мою сегодняшнюю жизнь – от жизни, о которой мечтала. Вернее, даже мечтать

не могла без принца на белом коне или волшебных обстоятельств. А тут я все сделала сама: выучила язык, купила билет в Канаду, а оттуда – на Гавайи. И вот я здесь: сижу, наблюдая невероятный закат и болтая с программистом из Сан-Франциско. И все это за год без барьеров. Год, который сделал меня ближе к себе и миру, несмотря на все трудности, сопровождавшие это решение – жить по сердцу.

Значение и смыслы какому-либо событию мы обычно придаем до или после того, как оно происходит. Чтобы объяснить, что такое Гавайи для меня, поделюсь двумя историями о Гавайях, которые начались задолго до моей поездки сюда.

Я родилась на юге России. В моей семье есть выходцы из Сибири, Украины, Грузии и даже Греции. Наверное, поэтому всегда так хотелось путешествовать: я родилась гражданином мира. А еще я родилась девочкой, что в те времена на юге России все еще значило, что вся твоя ценность будет определяться тем, успешно ли ты вышла замуж и родила ли детей. Успешно – это не значило по любви. Успешно – это если благодаря браку ты поднялась на более высокую ступень социальной лестницы. Первый вопрос, который задавали знакомые женщины друг другу: ну как ты – замужем? родила ребенка?

Наверное, поэтому я часто мечтала родиться мальчишкой. Ведь я мечтала о путешествиях, исследованиях. И конечно, о любви. Такой, которой я ни разу не видела в «успеш-

ных» семьях.

Я родилась в семье отличников. Активная мама, которая так мечтала быть архитектором, но стала инженером, папа-океанограф, который так и не стал бороздить океан, и младшая сестра.

Мы жили в одной комнате общежития и делили ванную с другими семьями: раньше в России (тогда – Советском Союзе) собственное жилье имели не все. Те, кто не имел, вынуждены были годами терпеть и ждать, пока его предоставит государство. Ждали своего жилья и мы, ютясь в одной комнате. Но маленькие размеры нашего жилища не мешали мне путешествовать в необъятных мирах, которые открывали книги. Читать я начала лет в пять, особенно любила это делать летом, в деревне у бабушки, которая собрала прекрасную библиотеку.

Иногда мне кажется, что именно книги, которых я прочитала гораздо больше, чем среднестатистическая девочка моих лет, и повлияли на то, как сложилась моя история дальше. А может, это была наша странная история с тобой, которая врвалась в мою жизнь всегда неожиданно, но всегда судьбоносно?

Я выросла в общежитии. В одной комнате ютились папа-океанограф, мама-инженер, я и моя сестра. Чтобы создать подобие детской комнаты мама огородила нашу двухъярусную кроватку шкафом, а для красоты на шкаф повесили карту мира. Лет пять своего самого нежного возраста я

засыпала, рассматривая Гавайские острова: волею случая я спала головой к ним, а могла бы с видом на Северную Корею засыпать! Каждую ночь рассматривала я расстояние от своего города до Гавайев, и оно пугало, смущало и немного возбуждало меня. Мечтала ли я там оказаться? Вовсе нет. Мечтала о собаке. Но именно Гавайи отложились внутри как что-то совершенно невероятное и недоступное.

Давным-давно, несколько лет назад, когда я даже в фантазиях не могла допустить, что произойдет позже и в каких обстоятельствах я попаду сюда, о Гавайях рассказывал мне и ты. Рассказывал о лесах и закатах, штормах, нежно перебирая руками мои волосы, а я внимательно слушала. «Если бы я решил опять жениться, наверное, это были бы Гавайи. Очень хочу тебе их показать», – сказал ты мне однажды. А я замечтала нашу свадьбу на Гавайях. Мне не хотелось ни гостей, ни праздника, просто побыть вдвоем у океана.

Тогда далекие Гавайи упали на самое доньшко моего сердца, как еще менее осуществимая мечта – побывать там с любимым человеком. Так мечты малышки, засыпающей под картой мира, и молодой женщины, засыпающей в твоих руках, соединились. Так мир заложил первую капсулу моего кругосветного квеста, пути моего оживления, разместив ее на далеких Гавайских островах.

Гавайи – очень нежная часть нашей планеты. Как сокровища в секретной коробочке у малыша, хаотично разбросаны волшебные пляжи с зеленым, черным и красным песком,

водопады и заросли джунглей. Поражает величие и инопланетная тишина вулкана Халеакала. Каким образом этот хаос из красоты и разнообразия так гармонично поместился на таких маленьких островах?

Оаху остался в памяти чем-то чудесно студенческим. Хостелы, компании молодых людей со всего мира, совместное приготовление еды и дешевое пиво. По традиции южных широт России, в тридцать лет у девушки уже наступала зрелость, где место только семье, детям и ипотеке. И я, поверив этому, упорно строила такую жизнь, где дети и мужчина были основами основ и главным смыслом жизни. Очутившись же в тридцать один год в хостеле на Гавайях, среди молодых свободных людей моего возраста, рассуждающих о мечтах и путешествиях, я ощущала себя, как Алиса на чаепитии у Безумного Шляпника. А что, бывает и так? А что, я еще молода?..

Несмотря на то, что моя свадьба на Гавайях так и не случилась, Гавайи подарили мне первый свадебный подарок – ощущение, что возраст – это всего лишь цифра, отметка расстояния в пути, но никак не знак «Проезд запрещен», как меня учили раньше.

На следующий день, сев в малюсенький самолет, я улетила на Мауи, где должна была остановиться на Новый год на ферме у пожилой пары из Канады и Америки.

Был канун 2015-го. Пролетая над вельветовыми складками зеленых гор, расчесанных в косы водопадами, над кру-

жевыми оборочками чистейших пляжей, украшающих остров, как нашивки на строгой школьной форме у первоклассниц, вспоминала я и другую школьную форму: маленькие штанишки и белую рубашечку, в которые одевала сына в школу, наши разговоры ранним утром по дороге в школу... И рыдала у окна, разглядывая Гавайи. Люди мечтают о дальних путешествиях и приключениях, чтобы, оказавшись там, понять, что лучшим путешествием в их жизни была дорога в школу, когда идешь туда, сжимая ладошку своего ребенка.

Я готовилась к непростому новогоднему празднику в доме у незнакомцев. Моей задачей было просто пережить его и не думать ни о тебе, ни о родных на другом конце планеты. Но у Мауи были свои планы: так на новый, 2015 год я все же оказалась на свадьбе!

Мауи

В мире есть множество разновидностей туров по системе «все включено» с групповой программой и гидами, походами и ретритами, но если хочется настоящего приключения, предлагаю отправиться на край земли почти без денег в кармане, зато с парой адресов незнакомцев, кто поможет с ночевкой. А еще при этом желательно быть отчаянно влюбленным в кого-то далекого. Примерно так и выглядит рецепт трансформирующего путешествия.

Когда я приехала на ферму к Дикки и Нэнси, меня встретил теплый прием: не привыкшая ночевать у незнакомцев бесплатно, я была очень тронута их вниманием и заботой.

Дикки – фотограф на Мауи с мастерской в бунгало из банановых стволов, расположенного на ферме, по которой Нэнси провела для меня экскурсию в первый вечер.

Мауи – очень дикий остров, где вечером начинается концерт из запахов тропических цветов и звуков ночных птиц и насекомых, а на рассвете будят петухи. Я гуляла по ферме босиком, в летнем платице, совершенно опьяненная тем, что это реальность. Куда бы ни повернула голову: к звездному небу, к океану или в шумный ночной сад – все было невероятно. И это невероятное будто ждало меня много-много лет. Мое личное королевство.

Впервые за два года без тебя я ощутила что-то, похожее

на спокойствие и принятие. Да, в этом месте не было тебя, но были малышки-колибри, хвосты китов в океанской дали, нежные рассветы и ароматы, будто подобранные, чтобы сплетаться с моими волосами на ветру. Я совершенно не знала, что будет завтра и будет ли моя жизнь хоть немного «нормальной». Но впервые я ощущала, что такое быть по-настоящему одной на краю Земли. Я всегда боялась одиночества, пока не оказалась в нем по самое дно без возможности не только быть с сыном и родными, но и вне родного языка и культуры. Но только так, полностью, пусть и вынужденно оторвавшись от всех социальных привязок и границ, я ощутила, насколько дикая, живая, любящая детская часть меня связана с планетой Земля.

Даже самые близкие люди имеют свой уникальный план на жизнь, и иногда дорога может развести с тем, без кого жизни нет. Но ты никогда не один: дорога всегда рядом. Ты и планета Земля выбрали друг друга для удивительного путешествия под названием «жизнь». Когда подкашиваются ноги и ты падаешь без сил, планета держит тебя своей любовью-гравитацией. Кто угодно может отпустить твою руку: дети вырастают и разжимают свою ладошку, чтобы учиться идти самим, любимые и друзья могут оставить. Но Земля – единственная мать, которая никогда не оставляла своих детей, несмотря на жестокость к ней тех, кто живет ее соками каждый день.

«Я дома», – выдохнула я и, как космонавт после долгого

странного полета, присела под пальмой. Я дома.

– Алла! Мы едем на свадьбу к нашим друзьям! Им обоим по 65 лет, и это любовь! Будет много музыки и гавайских коктейлей, пойдем!

– А это точно удобно? – спросила я своих добрых хозяев.

– Это Гавайи: свадьба – это праздник любви всего острова! Конечно, удобно!

Мауи – остров магии. На Мауи рекомендую отказаться от планов и ожиданий. Просто идти туда, куда зовет дорога. А то, что она будет звать, не сомневаюсь.

Это была свадьба американцев, и пусть им было уже под семьдесят, но все свадебные атрибуты – музыканты в саду, свадебный торт, нарядные орущие дети, гости с тарелками и бокалами в руках – все было ровно так, как я видела в голливудских фильмах.

Но все же свадьба на Гавайях имеет свой особый шарм, будто приглашенная фея-крестная превратила обычную компанию людей, поедающих угощения и танцующих в ночи, в волшебный спектакль. Она укутала театр, где он проходит, вуалью из звездного неба и запаха лей³, который выдавали гостям на входе, украсив россыпью фонариков на пальмах и звуками саксофона.

Наблюдая за гостями и молодоженами, я чувствовала себя самым пожилым гостем на свадьбе. А еще чувствовала себя Золушкой. Золушкой без принца. Золушкой, которая знала,

³ Гавайское цветочное ожерелье, которое носят на шее.

что принц исчез, не оставив даже туфельки. Новой версией Золушки, которая отправилась на праздник на край света не затем, чтоб встретить любимого, – а затем, чтобы...

«Зачем я тут?» – честно спросила себя я, наблюдая за танцующими незнакомцами под небом Мауи в новогодний вечер 2015 года.

Чтобы вспомнить, как это, быть живой по-настоящему. В том «здесь и сейчас», что тебе выдала жизнь как карты на руки. Не в какой-то мнимой реальности, где однажды все будет хорошо, а в этой, где смерть и болезни случаются даже в жизни самых хороших людей, где ты обусловлен необходимостью выживать и стареешь каждый день, где в любую минуту тебя может оставить любимый человек, где права матерей и отцов решаются не интересами ребенка, а количеством власти и денег, где случаются вирусы, войны и скука. В реальности, где ты никогда не получишь ответов на самые важные вопросы, где, кроме постоянных перемен, тебе ничего не гарантировано.

Я тут, чтобы сохранить умение мечтать, доверять и любить, несмотря на то, что узнала об этом мире и людях, живущих в нем.

Я тут, потому что хочу довериться той силе, что дала возможность встретить тебя спустя десять лет после окончания школы на соседнем кресле самолета. Я хочу верить, что эта сила сохранит психику моего сына, пока я вырезаю нам крылья. Я хочу верить, что эта сила поможет сестре и маме прой-

ти их испытания.

Я тут, потому что хочу сохранить веру, что один человек может перевернуть ход истории. Пусть даже всего лишь своей личной.

Я хочу выжить на пересадке.

Тогда это слово и пришло ко мне впервые. На пересадке почки была не только моя сестра, но и я сама. Все хорошее, к чему я привыкла, разрушилось, и возникло ощущение, что ты летишь в темную дыру неизвестности. Светлое стало темным, самое важное стало бессмысленным, а любое желание превратилось в очередную игрушку перед неизбежным концом всех вещей.

Я увидела всю нашу планету, летящую в пустоте Вселенной. Где-то там сынок, с которым не могу связаться, и я послала ему огромное облако любви. Где-то там семья – облако любви им. Где-то там – ты. И тут я поняла что-то очень новое о любви. Это были сложные минуты: все мое существо было будто с отрезанными конечностями – так больно было находиться вдали от любимых без возможности обнять. Без возможности ударить. Без возможности спросить: «За что?» Почему мы расстались именно так? Все внутри было поломано, будто начинающего боксера отметелил профессионал экстра-класса и оставил лежать на ринге, абсолютно не интересуясь, выживет ли человек.

Вся моя жизнь пронеслась мимо, вся эта бесконечная борьба за сына, за деньги, чтобы гасить ипотеку и выживать

одной с ребенком. Деньги, которые ускользали из рук, как ужи, то счетами из больниц, то очередной инфляцией. Этот ужас, когда приходишь за сыном в садик, а ребенка там нет, а все телефоны выключены, и не знаешь, увидишь ли его еще.

То доверчивое счастье, которое я вкусила с тобой, как запретное яблоко, жгло невыносимо. Гораздо легче жить, когда не знаешь ничего, кроме трудностей, но, вкусив однажды жизнь, где ты абсолютно счастлив и свободен, вернуться опять рабом на галеры серых дней без любви невыносимо. Воспоминания о том, что ты позволил себе мечтать по-настоящему и поверил в любовь, жгут, как клеймо. Именно этой боли избегают люди, закрывшие сердце. Именно так больно им было однажды, наверное. И я их не осуждала.

А потом приходили воспоминания родных людей на больничной койке.

Но вспоминать это было невыносимо, поэтому я тихо встала из кресла и ушла от свадебной кутерьмы в ночь.

Легла на теплую землю Мауи и начала тихо выть. Я была просто месивом из чувств и боли, где каждая зона была в реанимации.

«Я здесь, на Гавайях, потому что меня нет больше нигде и ни в чем», – пришел ответ изнутри.

Что Я, если сыну внушат, что мама его не любила, и он забудет всю нашу нежность и отвернется от меня?

Что Я, если я никогда не увижу тебя?

Что Я, если родные не выживут?

Что Я, если мне некуда возвращаться после всего пережитого?

Я лежала в позе эмбриона, засунув руки между колен, и тихо скулила. Мне хотелось уйти в этот вечер, закрыть глаза и тихо раствориться в теплой ночи, будто меня и не было.

В ту ночь я впервые ощутила себя как пустоту. Ни надежды, ни одной иллюзии, полная бессмысленность. Я потеряла пол, возраст и прошлое. Все, что осталось от меня, это свет, который шел к тем, кого люблю.

И еще, размякнув во влажной от слез и росы траве, вдруг стала ощущать, сколько света шлет мне Земля. Теплый бриз с океана, небо в подсвечниках звезд и земля – все это стало любящей колыбелью.

Впервые за свои годы жизни я осталась по-настоящему одна, чтобы понять: одной на планете Земля я никогда и не была. Я просто была занята своими делами, надеждами и переживаниями, не обращая внимания на ту, что любила меня с рождения.

И я уснула на земле Мауи в новогоднюю ночь 2015 года спокойно и тихо, как младенец на руках матери. Я словно летела по бесконечно пустой черной дыре, цепляясь за стены. А отцепившись, наконец позволила себе упасть.

Неделя на ферме друзей пролетела незаметно. Сладкий привкус маленьких гавайских бананов, звездные ночи, незнакомые люди, рассказывающие истории о любви и магии под ритмы барабанов: на нашу ферму часто приходили

жители деревни для вечерних посиделок. Так уютно и домашнему прошла моя первая неделя на Мауи. Но пришла пора съезжать от моих заботливых Дикки и Нэнси: в мою комнату приехали погостить пара женщин-лесбиянок. Если у тебя дом на Гавайях, поток друзей со всей планеты, видимо, никогда не прекращается.

Когда произношу «Мауи», на лице сразу расцветает улыбка, а тело вспоминает тягучее кошачье блаженство. Каждый остров Гавайев живой и полный магии. Но магия Мауи женская, игривая, бережная. Особенно ощущается это, если полностью доверить острову свою жизнь, пропитание и безопасность. Водрузив рюкзак на плечи, я поехала на стареньком автобусе вниз, к хостелу и пляжам, в очень радужном настроении.

Улыбчивая австралийка-администраторша в хостеле с милым названием «Банана Бунгало», который я забронировала заранее, огорошила меня: «Простите, мы уже сдали вашу резервацию: сбой в системе. Свободных кроватей больше нет. Не переживайте, ваши деньги вернутся на счет в течение двух недель. Еще раз простите!» Эта новость спустила меня с небес на землю. Шум джунглей, пустынная трасса, начинающее сереть небо. Вдали виднелся дорогой отель, а вниз вела дорога к дикому пляжу. Больше в округе не было ничего.

Я попросила пройти в общую зону хостела, чтобы использовать интернет и душ. И понять, что же буду делать дальше. Ведь жить тут я планировала три дня.

Хостелы Гавайев особенные. Тут нет случайных людей, нет зоны отчуждения. Раз ты оказался на далеких островах, ты свой. Присев у общего стола под ветками банановых кустов и делая вид, что изучаю телефон, я рассматривала окружающих, переваривая информацию о своей бездомности.

Спортивный мужчина лет сорока готовил что-то большое и ароматное, угощая всех пивом в честь своего дня рождения. Судя по тому, с какой ловкостью он двигался по кухне под открытым небом, словно проворная обезьянка в джунглях, он наверняка был тут завсегдатаем. Ухоженная девушка азиатской внешности сидела за книгой с чашкой чая. Компания белозубых юношей и девушек, явно серферов, о чем можно было догадаться по выцветшим на ярком солнце волосах, плескалась тут же в джакузи, обсуждая сегодняшние волны. Бренчал на гитаре, будто в трансе, паренек с дредами и смешной козлиной бородкой. И опять мне почудилось, что я Алиса на ужине у Безумного Шляпника или случайно открывшая шкаф в Нарнию девочка Люси – так все увиденное отличалась от моей привычной реальности.

Тем временем ужин был готов, и меня неожиданно пригласили присоединиться. Марк, как звали того ловкого повара, разложил рис с морепродуктами на банановые листья и открыл всем еще пива. Жизненные истории потекли рекой.

Марк оказался холостяком из Сан-Франциско, который вот уже третью зиму живет на Мауи, кореянка Ли из Торонто приехала обдумать свою карьеру, Сансет – так представил-

ся парень с гитарой и бородкой – приехал из Дании. Сказал, что чувствует связь с Единым на Гавайях и планирует посвятить жизнь этой связи. «Повышение вибраций и есть смысл нашей жизни», – важно завершил свою речь Сансет, а рис, застрявший в его бороде, смешно подпрыгивал. Я не могла сдержать улыбку, наблюдая за рисинками, прыгающими в бороде Сансета, и за его серьезным лицом адепта духовного пути. Мою улыбку он принял за интерес к вибрациям и начал расспрашивать меня:

«А ты? Что здесь делаешь ты?»

«Я русская, учусь в Канаде, а Гавайи были моей мечтой детства», – просто представилась я.

В тот вечер, ко мне пришло ощущение, что я студентка-путешественница. Когда у тебя есть только рюкзак, паспорт, а незнакомцы угостили тебя ужином, и ты почему-то счастлива без причины, совершенно забыв о том, что тебе даже и спать-то негде этой ночью. Ну и пусть оно запоздало лет на десять, на материнство, на ипотеки. Но пришло же! И я ему была так рада, как ни одна свободная восемнадцатилетняя студентка!

«Мы завтра снимаем машину вскладчину и едем на пляж с черепахами, а потом на самую красивую дорогу в мире – Ханна-роад, а вечером на пляже будет шоу фейерверков. По-едем с нами?»

Мне кажется, именно с этого предложения и началось мое странное путешествие по планете. Началась моя жизнь без

плана.

«Да, конечно», – ответила я тогда и продолжала говорить много других «да» на все удивительные предложения, которые ворвались в мою жизнь потом. Мне кажется, в мире так мало тех, кто говорит да новым вызовам без лишних расспросов, и мир особенно щедр к тем, кто не следует заранее составленным планам и не сверяется с расписаниями, а доверяет тому пути, что раскрывается перед идущим. Пути сквозь джунгли, обрывы, качающиеся подвесные мосты, узкие повороты и водопады. Из удобной трассы с понятными дорожными знаками моя жизнь превратилась в Ханна-роад, где, зазевавшись на красивый закат, ты в любой момент можешь или съехать в кювет, или угодить в чащу леса.

«Да! Я с вами. Завтра в восемь буду готова! Пошла в душ», – бодро сказала я и правда пошла в душ. Так поверила, что я тоже житель хостела.

Наступил вечер, а где ночевать, оставалось непонятно. Денег на отель не было, а спать на пляже было страшно из-за кишашей там живности.

Я пошла в душ, по дороге исследуя закоулки хостела и радуясь своему спальнику. Сразу за душевой нашлась маленькая кладовка с запасами туалетной бумаги и моющими средствами. Если я встану достаточно рано, никто и не поймет, что я тут спала.

Подстелив рюкзак под голову, как подушку, сжав паспорт и деньги в руке, я даже не успела испугаться, почувствовать

одинокчество, поплакать, похихикать или подумать о тебе. Уютное чувство, что я под защитой планеты, укутало меня в той каморке снова, как и на ферме, а звуки джунглей и топот принимающих вечерний душ постояльцев хостела убаюкали меня, как колыбельная. Банк, ипотека, родные, Канада – все стало каким-то сном.

Чем был этот сон? Сном девушки тридцати лет, уснувшей в спальном мешке тайком в хостеле на Гавайях? Или сном девочки пяти лет, уснувшей в общежитии Краснодара под картой Гавайев? Реальность и время стали будто нелинейными, а причудливо сплетенными, переходящими друг в друга, как паутина паука-фантазера, который будто только один и понимал лабиринты путей, ведущих людей по дороге жизни, и тот невероятный узор дорог, где они пересекаются и сводят нас вместе.

Разжала я в том сне, в подсобке на Гавайях, свой паспорт и сотню долларов. Все самое ценное, что было со мной из материального на тот момент. Разжала я в том сне, в подсобке на Гавайях, и свои представления о жизни, о своем завтра. В ту ночь со мной случилось доверие. Это когда ты не знаешь, что будет завтра, но просто разжал кулаки, доверив миру и отбирать, и вкладывать опыты в твои руки.

Любуясь водопадами, фотографируя себя на вулканическом песке, делясь друг с другом историями, мы с моими новыми знакомыми объехали весь Мауи. А сдав машину, все вместе пошли к океану. Рядом с диким пляжем гуляла сва-

дьба в каком-то пятизвездочном отеле. Я усмехнулась: без свадьбы я, видимо, на Гавайях не окажусь уж точно. Огромные столы с едой на береговой линии, сотни гостей. Мы, ей-богу, не планировали совершать налет на чужой праздник, просто кому-то захотелось в туалет. И тут официант отеля предложил нам шампанское, подумав, что мы гости на свадьбе.

Наша босоногая компания воодушевилась: подкрепившись шампанским и едой, мы остались на свадьбе, танцевать, болтать со старушками, а я даже ловила букет невесты с гостями. И конечно, не поймала. Но впервые не расстроилась.

Вечером юные загорелые гавайцы поднялись с факелами на скалы, чтобы освещать свадьбу. И началась гавайская забава – прыгать в воду со скалы с факелом. Как же это было красиво!

Это было так непохоже на всю мою прошлую жизнь. Я чувствовала, что стала словно бесплотным духом, наблюдающим за незнакомыми людьми, более удачливыми, более счастливыми, свадьбы которых, в отличие от моей, состоялись. Было в этом что-то щемящее – прилететь сюда на деньги, вырученные от кольца любви, и попасть на праздник любви, пусть и не моей.

Но все же самые нежные дни на Гавайях случались, когда я оставалась одна. Однажды забрела на пустынный пляж и долго лежала, встречая самолеты. Потом ко мне присоеди-

нилась еще одна свободная лохматая душа – собака, и мы долго кувыркались и смотрели на закат.

А потом я шла дальше, возвращаясь вечером в хостел на деревенском автобусе, везде оставляя за собой следы из песка. По его цвету можно было угадать, сколько пляжей за день я посетила: однажды это был красный, черный, белый, желтый и даже зеленый песок за один день! Никто не заметил, что в каморке у них появился еще один житель, а на неожиданно сэкономленные деньги я решила отправиться на вулкан.

Ну что за везение, купила билет в Национальный парк Халеакала, чтобы встретить рассвет на вулкане, и именно в этот день начался шторм и ливень! Я тряслась на заднем сиденье попутной машины фермера, который проезжал мимо по пустынной трассе и обещал довести меня до подножья вулкана и входа в парк. Из-за туч видно не было даже в метре от себя. Какой уж тут рассвет!

Уставшая от безденежья и ранних подъемов, злая, что пришлось потратиться на дождевик, я чувствовала себя полной неудачницей, которая бежит от своей правды. Все мое путешествие, которое хоть как-то вдохновляло меня на пути, вдруг показалось издевкой, как и надежда найти успокоение в нем.

Фермер высадил меня на границе парка, укутанного плотным влажным туманом. Я сначала не поняла, куда идти, и шла просто вверх по трассе. Начало светать. Туман, окру-

жавший меня, вдруг пустился в пляс, от которого стало жутко, будто тебя окружили привидения, которые то сжимают в ледяных объятиях, то исчезают. Поднимаясь все выше, я вдруг встретилась с абсолютно ясным небом, розовеющим от рассвета.

Привидения отступили. Обернувшись, я увидела, что впервые в жизни шла не в туман, а сквозь облака. Я миновала зону шторма, дождя и танцующих облаков, которые ветер, словно пастух, гнал дальше, в сторону Камчатки. И поднялась наверх, к свету.

Огромное солнце величаво поднималось над вулканическими горами Мауи. Я не наблюдала земли, так как она была еще вся покрыта облаками, видела лишь верхушку вулкана Халеакала и рассвет.

Сидя в облаках, я была словно на свидании с Богом. Не в силах больше держаться, я разрыдалась. Обида и непонимание, почему все произошло именно так, сменились отчаянной молитвой.

Пожалуйста, спаси мою семью.

Пожалуйста, помоги мне быть с сыном.

Пожалуйста, помоги мне простить его.

Пожалуйста, помоги мне простить себя.

«Как тебе было не страшно? – не раз спрашивали меня. – Отправилась по миру и без денег в путешествие и эмиграцию, храбрая!»

А правда в том, что ужас внутри был такой величины, что

и эмиграция, и далекие путешествия были от него хоть каким-то спасением.

Большой остров

14 февраля 1779 года именно у бухты Кеалакекуа был зверски убит капитан Джеймс Кук. Сначала туземцы были очарованы иллюзией, что Кук – это второе пришествие божества Лоно, и встретили корабли со всеми почестями и подарками, включающими жарких гавайских женщин. А команда Кука, видимо, недооценила, что нужно и меру знать, начав любить туземных женщин и убивать мужчин из-за воровства на корабле. Местные жители, поняв, что Кук не божество, убили его. Разбитые иллюзии невыносимы даже для туземцев.

После волшебного, магического времени на Мауи строгий Биг-Айленд, укутанный в черную мантию застывшей лавы, встретил меня совсем новыми ощущениями. Мои деньги закончились, как закончилась и эйфория от присутствия на Гавайях.

Внутри стало появляться ощущение полыни, горькое и несмываемое: неважно, на какие далекие острова я заберусь, на те острова, где ты гладишь меня по волосам, я не попаду. Никогда. На те острова, где я читаю сказки сыну перед сном, вход в бухту для меня тоже закрыт. Вот пилюля реальности. Глотай, девочка, глотай и не морщись.

Вот это ощущение глухой стены, окончания, бессилия пришло ко мне именно на острове Биг-Айленд.

Красное солнце, черные пляжи причудливой формы и брызги пенного океана. Все это спокойно, строго говорило мне: назад пути нет. Вперед идти тоже особо не хотелось, если честно. Поэтому я отдалась острову Биг-Айленд смиренно, с безразличным любопытством, как, возможно, однажды туземные женщины отдались морякам Кука. Но остров припас для меня свои уроки и приключения.

Каилуа-Кона

Когда я мечтала о Гавайях, меньше всего ожидала, что это дикая земля с петухами на дорогах, редкими автобусами между населенными пунктами и еще более редкими магазинами. Именно мои ожидания от Гавайев позволили мне ввязаться в авантюру – поехать туда без денег. Уж на булочку и банан я всегда наберу, да и на автобусный билет тоже, наивно думала я. Оказалось, что главной задачей, особенно на Биг-Айленде, было в принципе найти магазин и автобус.

Первую неделю на Биг-Айленде я должна была жить у голливудского продюсера, бывшего знаменитым лет двадцать назад, которого знали мои друзья из Канады. Я с волнением ждала встречи в аэропорту, вытаскивая из слабенького вай-фая, как рыбак сетями непослушную рыбу, любую информацию о его фильмах.

– Так-так! Русская путешественница? Водку привезла? – громко расхохотался от своей шутки обросший мужчина, стоявший возле старенького «форда».

Ох уж эта водка и медведи – именно об этом, да еще о Путине спрашивали меня в самых отдаленных уголках света. Забавно, но всех медведей своей жизни я встретила в Канаде, а злоупотребляющих водкой примерно одинаково по всему миру, но ассоциация у всех – с Россией.

Пытаясь сдержать свое удивление при виде травы, расту-

щей из сиденья машины, я аккуратно села на свою сумку. Меньше всего хотелось бы каких-нибудь жучков в трусиках. На Гавайях растительность вообще очень активная: стоит оставить дом или машину на несколько лет – и все становится причудливо заросшим.

– Я инвестор! – гордо сказал продюсер. – Скупаю дома по миру, которые требуют ремонта, в них живут люди, окупают их арендой, и земля в цене растет, а через 10–20 лет можно продать их уже в два раза дороже! Таким образом, я получаю две стоимости!

Дом. Из всей той странной истории хорошо помню только дом. Деревянный, с изысканным резным фасадом, обросшим зелеными лианами. Самое красивое в доме – терраса. С нее открывался вид на вершины гор, на бесконечность Тихого океана и бухту, которая помнит еще Джеймса Кука, неспящие джунгли с такими рассветами, каких я не видела никогда в жизни. Сама терраса походила на старушку, бережно хранившую все воспоминания: музыкальный аппарат, который играл «Битлз», если стукнуть покрепче, календарь 1973 года, скрипучие кресла, засохший кофе в ажурных чашках. Везде деловито сновали юркие ящерки, словно батлеры, спешащие все успеть. Мне было удивительно, как тут могут жить люди. Еще более удивительным казалось то, что тут буду жить я.

В гостиной, которая служила и кухней, виселись горы посуды в раковине, а по стенам висели пыльные плакаты филь-

мов, снятых продюсером.

– Будешь травку? – равнодушно спросил он, включая телевизор, тут же потеряв ко мне интерес, когда я отказалась.

Почувствовав себя неловко, я начала мыть посуду. Я была очень благодарна за то, что мне предоставили жилье, но не могла не ощущать своего желания сбежать. Много лет назад, когда я была мамой-одиночкой и таксовала по ночам, я научилась разговаривать со своим страхом. Брать этого пассажира или нет? Заработаю ли я немного денег или попаду в передрыгу? Тогда не было ни интернета, ни мобильного телефона и никто не мог прийти на помощь. Как и сейчас: я была одна в заброшенном доме, без связи и денег, на краю Земли. Вот именно за такие моменты я люблю одиночные путешествия. Ты, как скалолаз, должен принять верное решение. А для этого нужно коснуться себя в самом центре. Можно на автомате ехать на работу, выходить из метро, отвечать на письма. Но когда происходит что-то нестандартное и ты оказываешься один на один с вопросом «бежать или остаться?», тогда ты и касаешься самого центра жизни в себе.

Моя посуду, краем глаза я посматривала на продюсера. Расслабившись от курения, он пересматривал свой фильм и говорил в пустоту: «Ох, эта крошка тут сыграла чертовски хорошо! Говорил же, что надо уволить этого мудака за левой камерой!» Меня для него не существовало: он весь был в семидесятых, там, где он был строен, юн и успешен. Весь дом был тоже в семидесятых. Тогда этот дом и видел последний

раз ремонт, догадалась я, каждый раз боясь сломать ноги, спускаясь по трухлявым деревянным ступенькам.

Доверяя людям, которые познакомили меня с продюсером, понимая, что уходить ночью в джунгли без денег будет еще более рискованно, я решила остаться на ночь, незаметно стащив нож из кухни, забаррикадировав дверь шкафом и поужинав прямо с дерева лиликой – разновидностью маракуйи, которая растет повсюду на Гавайях. Еды в доме не было, в магазины надо было ехать на машине, а беспокоить хозяина дома я не хотела.

Спала я тревожно, не снимая верхней одежды. Постельное белье на кровати было таким старинным, что казалось, последней стирке оно порадовалось при первых хозяевах этого дома – эмигрантах, которые выращивали всемирно известный сорт кофе – кона. «Может, и кофе тут заваялся с тех времен?» – я осмотрела маленькую комнатку с утра пораньше. Выйдя оттуда на цыпочках, чтобы не разбудить хозяина, я пробралась на веранду. И обомлела: рассвет! Меня встретил такой рассвет, который накрыл с головой все мои страхи и переживания. Похожий по силе обновления рассвет случился в моей жизни в Египте на горе Моисея, куда мы поднимались всю ночь. Рассвет, который смывает все старое, наболевшее и оставляет главное послание: «Сегодня ты живой. Аминь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.